

Карме Риера
В запредельной
СИНЕВЕ

роман

Карме Риера
В за̄предельной синеве

Издательский дом «Книжники»

1994

УДК 821.131.1
ББК 84(4Кат)

Риера К.

В запредельной синеве / К. Риера — Издательский дом
«Книжники», 1994

ISBN 978-5-906999-85-6

Остров Майорка, времена испанской инквизиции. Группа местных евреев-выкрестов продолжает тайно соблюдать иудейские ритуалы. Опасаясь доносов, они решают бежать от преследований на корабле через Атлантику. Но штормовая погода разрушает их планы. Тридцать семь беглецов-неудачников схвачены и приговорены к сожжению на костре. В своей прозе, одновременно лиричной и напряженной, Риера воссоздает жизнь испанского острова в XVII веке, искусно вплетая историю гонений в исторический, культурный и религиозный орнамент эпохи. Роман «В запредельной синеве» – это красивая, захватывающая и драматичная история о надежде и страхе.

УДК 821.131.1

ББК 84(4Кат)

ISBN 978-5-906999-85-6

© Риера К., 1994
© Издательский дом
«Книжники», 1994

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Карме Рiera

В запредельной синеве

Моему отцу

Carme Riera
Dins el darrer blau

Перевод с каталанского Марины Абрамовой и Екатерины Гущиной
Перевод книги выполнен при поддержке Institut Ramon Llull.

© CARME RIERA, 1994.

© Абрамова М.А., Гущина Е.Э., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «ИД «Книжники», 2022

Действующие лица

Агилó, Пере Онофре, негоциант. Живет в Ливорно. Организует побег.

Аменгуал, Висент, отец, иезуит. Соперник отца Феррандо. Автор «Жизнеописания достопочтенной Элеонор Каналс, умершей в ореоле святости», а также «Торжества веры в трех песнях».

Анжелат, Бартомеу, городской хронист. Автор, среди прочего, «Истории Майорки».

Белпуч, Онофрина, маркиза де Луби, супруга наместника короля.

Боннин, Катерина, мать Марии Агило, супруги Габриела Вальса. Сумасшедшая. Помимо своей воли, подняв крик, помогла разоблачению тайных иудеев.

Боннин, Микел, матрасник. Проводит опыты с летающими машинами. Отец Сары Благоуханной.

Вальерьола, Шим, портной, женатый на Рафеле Мирó, сосед Шрама.

Вальс де Вальс Старший, Габриел, по прозвищу Равви, старейшина тайных евреев, женатый на Марии Агило, отец Микела Вальса, эмигрировавшего в Алакант, и Рафела Онофре, влюбленного в Марию Помар.

Виллис, капитан. Заключил договор с Пере Онофре Агило и вдовой Сампол, зафрахтованными «Эол», чтобы спасти майорских евреев.

Гарц, Андреас, капитан.

Кабесон-и-Сеспедес, инквизитор, которого на этом посту заменил достопочтенный Николас Родригес Фермозино.

Кортес, Айна, дочь Дурьей Башки, возлюбленная Жули Рамиса, от которого имеет сына.

Кортес, Рафел, по прозвищу Шрам, предатель.

Кортес, Рафел, по прозвищу Дурья Башка, визионер, верный последователь Закона Моисеева, отец Балтазара и Жузепа Жуакима.

Льябрес, Жауме, каноник Кафедрального собора и судебный следователь святейшей инквизиции.

Марти, Пере Онофре, по прозвищу Акула, женатый на Китерии Помар, с которой прижил двух сыновей; один из них помимо своей воли разоблачил беглецов.

Мас, Беатриу, по прозвищу Хромоножка, шлюха из городского борделя, бывшая любовница старого епископа Бенета, обвиненная инквизицией при помощи Рафела Онофре Вальса.

Миро, Полония, служанка Шрама.

Моаше, Жакоб, раввин Ливорно.

Монтис, Николау, маркиз де Бастида, президент Верховного городского совета.

Перес, Жоао, моряк, приплывший из Ливорно, чтобы оказать услуги вдове Сампол.

Пирес, Бланка Мария, вдова негоцианта Сампола. Жила на Майорке, а затем переселилась в Ливорно. Помогала организовать побег.

Помар, Мария, дочь огородника Пепа Помара и Микелы Фустер.

Помар, Китерия, жена Пере Онофре Марти.

Пучдорфила, Гаспар, верховный алгутзир.

Родригес Фермозино, Николас, инквизитор Майорки. Неподкупен и прям, в отличие от алькальда, тюремщиков и прочих служителей инквизиции.

Сампол, вдова, иначе называемая Бланка Мария Пирес.

Сара Благоуханная, визионерка, дочь Микела Боннина, матрасника.

Сегура, Айна, сестра тетушки Толстухи, живущая с внуками, которые тоже будут заточены в тюрьму.

Сегура, Праксидес, по прозвищу тетушка Толстуха, знахарка.

Сен-Бойет, бывший разбойник и профессиональный бунтовщик.

Сотамайор-и-Ампуеро, Антонио Непомусено, маркиз де Борадилля дел Монте, наместник короля на Майорке почти до публичной казни тайных евреев. Управлял всеми торговыми морскими делами, которые вел от имени своей супруги, донны Онофрины.

Таронжи, Изабел, супруга Жуакима Марти, христианина, исповедовавшегося отцу Феррандо и обвинившего жену в жидовской ереси. Имеет двух маленьких сыновей.

Таронжи, Жузеп, по прозвищу Консул.

Таронжи, Рафел, брат Изабел, умер под пытками.

Угета, хозяйка борделя.

Феррандо Салвадор, отец, иезуит, исповедник Шрама.

Фустер, Айна, супруга графского управляющего Габриела Фортеза, прозываемая также Изабел Фустера.

Часть первая

I

Мужчина то останавливался, то ходил, ступая как можно тише вдоль стены, окружавшей сад, но не теряя из виду калитку, которая должна была отвориться. В мыслях он без конца возвращался к тому, что привело его сюда и глубокой ночью вынуждало бодрствовать в ожидании сигнала. Он старался предельно сосредоточиться на каждом слове всех паролей, которые капитан Андреас Гарц сообщил ему почти год назад и которые с тех пор отпечатались на титульном листе его памяти: нужно, чтобы все произошло точь-в-точь как тогда. Убежденный, что все случившееся с Гарцем непременно должно повториться и с ним, он не сомневался, что его скоро позовут, а его достоинства будут оценены по заслугам. Но на этот раз юноша не просто хотел ощутить себя человеком сильным и властным, по крайней мере не худшим, чем капитан Гарц. Тот, правда, в свои сорок лет начал сдавать, хоть и хвастался в кругу друзей своими похождениями и бурными восторгами, которыми его встречали по три сотни замужних дам в сотне разных портов.

Нет, то, что заставило Жоао Переса сесть на первый же корабль, чей курс лежал на Майорку, что удерживало его здесь, на этой улочке Города, в тени стены, что вынудило рисковать – ведь патруль алгутзира¹ мог схватить его, – было гораздо сильнее, чем жажда власти или желание похвастаться. Он верил, что вся дальнейшая жизнь будет зависеть от долгожданного сигнала, как это виделось ему во снах. Все завязалось задолго до той ночи, когда капитан Гарц случайно рассказал эту историю, чтобы укрепить свою репутацию героя, а заодно попробовать себя в жанре занимательных побасенок среди людей, привыкших слышать из уст моряков о приключениях, которые случаются в дальних краях и только со смельчаками, способными отправиться на их поиски.

Жоао Перес поверил капитану «Лебеда» безо всяких сомнений и оговорок, а затем выпытал у него все самые мелкие детали того, что в течение двух таинственных весенних ночей произошло с ним в последний приезд на Майорку. Поверил вовсе не потому, что ему показалось, будто кольцо, продемонстрированное Гарцем, подтверждает рассказ капитана, но оттого, что факты – предъявленные один за другим во время застолья, когда кувшины с вином постепенно опустошались, а слова наполнялись смыслом – совпадали с точностью, от которой его бросало то в жар, то в холод, со сном, снившимся ему столько раз. Рассказ добавлял ряд подробностей, которые в образах, выхваченных из сна, он не мог уловить и которые теперь казались ему важнейшими: они приблизили его к месту, где все повторится, но на сей раз уже наяву. Потому что обнесенный стеной сад в ночных видениях располагался непонятно где в неизвестно каком городе, но лишь до тех пор, пока Гарц не закончил рассказывать.

– Если вам угодно послушать, я поведаю одну историю, – начал Гарц хриплым голосом, – такую, что заставит вас трепетать так же, как и меня, ибо она оставила зарубку на моей судьбе. Чего только ни случалось со мной в странствиях, и мне есть что порассказать, но равного этому приключению нет. С того времени, клянусь вам, я остерегаюсь назвать кого-нибудь лжецом, ибо раз столь невероятное приключилось со мной, то равным образом может случиться и с другими. Когда я бросаю якорь в гавани какого-нибудь острова, то готов ко всему... То, о чем я вам расскажу, произошло со мной ровно три года назад, июньской

¹ Алгутзир – сановник, уполномоченный вершить суд и следить за порядком в городе от имени королевской власти. (Здесь и далее – примеч. переводчиков.)

ночью, когда нежный сирокко дул уже несколько дней, облегчая путь моей шебеке², взявшей курс из Алжира на Майорку. Благодаря этому обстоятельству через пару дней «Лебедь» бросил якорь в гавани Порто Пи. За два года до этого я заключил союз с майоркскими пиратами и потому отправился свести денежные расчеты с компаньонами, которые мне задолжали, а потом, загрузившись оливковым маслом, рассчитывал бросить якорь в Ливорно. Знакомство с каталанским языком, который я выучил уже давно, помогало мне в делах, поскольку майоркцы тоже на нем разговаривают, хотя смягчают выговор и повышают его тембр, отчего звучание становится нежнее. Как сейчас помню: прошло два дня с моего приезда и был четверг. Вскоре после захода солнца я отправился повидать графского управляющего, с которым обычно решал финансовые вопросы, тогда как с его господином мы, хоть и знакомы издавна, никогда не говорим о деньгах. А вот с Габриелом Фортеза мы не имеем обыкновения разговаривать ни о чем другом.

Вечерело, когда, закончив дела, я вышел из дома графа, имея твердое обещание получить на завтра от Фортеза все, что тот должен. Нечего говорить – я был доволен. Поскольку уже совсем стемнело, я решил не покидать городских стен и не возвращаться на корабль, а переночевать в одном доме, где мог рассчитывать на любезный прием. Так как дул сирокко, посвежело, но не слишком, и тяжелое дыхание ночи, которая на Майорке бывает влажной и душной, не ощущалось. Поскольку было прохладно, я завернулся в плащ, что вовсе не значило, будто я кого-то боюсь или хочу избежать драки, если в эти ночные часы меня кто-нибудь побеспокоит. Уверяю вас, я опасался только одного: натолкнуться на патруль алгутзира, который вынудит меня отсыпаться в тюрьме, раз я не вернулся вовремя на корабль.

Я спешил к мягкой постели в некоем доме, о чем уже говорил вам, и к объятиям, что меня ожидали, когда возле внешних стен, огораживающих сад и дом, называемый Эсторнель, услышал звук как будто чьих-то шагов. Однако, обернувшись, я никого не увидел. Решив, что мне послышалось, я двинулся дальше вдоль стены, но на всякий случай положил руку на рукоять пистоли. Я не говорил вам, что майоркцы – народ свирепый и до недавнего времени они насмерть бились с пришлецами, среди каковых были и прославленные бандиты, все еще разгуливающие на свободе. И не было бы ничего странного, коли, увидев, как я выхожу из дома Дескос, решили бы они напасть на меня со спины, чтобы освободить от денег, которые я, по их предположению, там получил. Не снимая руки с пистоли, я двинулся вперед как можно тише, чтобы лучше различить любой посторонний звук. Я уже собирался повернуть за угол, когда снова услышал шаги. На этот раз я был уверен, что за мной кто-то идет. Я обернулся, угрожающе подняв оружие, но улица была пустынна и ни одна даже самая маленькая тень не шелохнулась. Крик совы-сипухи, который в другом месте показался бы зловецим, в течение нескольких секунд сопровождал меня.

Поскольку иного выхода, кроме как двигаться дальше, не было, я решил идти побыстрее, но и преследователь, не отставая, прибавил шаг. Я неожиданно остановился – он тоже. И не подумайте, что этот загадочный отзвук, начавший действовать мне на нервы, был всего-навсего эхом. Я слишком хорошо исходил эти места, чтобы мне что-то мерещилось. Я было развернулся, чтобы пойти навстречу этому призраку и выяснить раз и навсегда, кто задумал меня преследовать. Но ужас, признаюсь, все же вынудил меня отступить. Я двинулся широким шагом – мое «эхо» тоже. Мы слишком трезвомыслящие люди, чтобы верить в призраков, ведьм и злых духов, но то, что происходило, шло вразрез со всеми моими убеждениями. Испуганный сверхъестественным характером происходящего, я препоручил себя Богу и

² Шебека – типичное судно Средиземного моря с латинской парусной оснасткой (XVII–XVIII вв.). Этот быстроходный и очень маневренный парусник имел малую осадку и широко использовался на мелководье. Его пушечное вооружение было очень мощным. Все эти характеристики способствовали тому, что шебека стала основой пиратского флота. Особенно грозными были такие суда у пиратов Алжира и Марокко: их длина достигала 39 метров, ширина – 7,5 метра и осадка – 2,7 метра, по бортам стояли 8 шестифунтовых пушек, на корме – 4 двенадцатифунтовые, по фальшбортам – 8 трехфунтовых кулеврин.

перекрестился. Осеняя лоб крестным знаменем, я повернул голову к стене и окончательно убедился, что некто следует за мной – то ли для того, чтобы привести в замешательство, то ли оттого, что ему показалось забавным испытать меня.

Избавившись таким образом от мистических страхов, я продолжил путь к одной замуженной даме, которая нуждалась в утешении, и решил более не обращать внимания на тень, скользящую по другую сторону стены. Я уже повернул было за угол, чтобы продолжить путь, когда меня окликнули. Сначала я уловил едва слышимый свист, словно тот, кто его издал, не желал привлечь чужого внимания, и лишь мое ухо, чуткое к шороху шагов этой тени, различило сигнал. Хотя я уже был съят по горло этой историей, любопытство взяло верх – я остановился. Стена была слишком высока, чтобы видеть того, кто находится по другую ее сторону, но и меня тоже видеть было нельзя. Зато голос был слышен хорошо:

– Эй! Не убегайте, пожалуйста! Послушайте – и вы не пожалеете!

– Вы можете говорить что угодно, раз мы никогда не увидим лиц друг друга, – сказал я. – Вы уверены, что не спутали меня с кем-то другим, брат?

– Нет, сеньор, отнюдь. Простите за погоню, капитан Гарци! – ответил мне мелодичный голос, явно принадлежащий человеку молодому и миловидному. – Подойдите к стене поближе, и я вам все объясню.

Неожиданно для себя я подчинился, подзуживаемый желанием узнать, чем могут закончиться все эти ночные тревожения.

– Следуйте вдоль стены еще пятьдесят шагов – и мы встретимся. Нам нужно обсудить с вами один вопрос к вашей же выгоде.

Проскрежетав всеми засовами, железная дверь отворилась. Свет, идущий от свечи, которую держал незнакомец, позволял рассмотреть моего преследователя. Это был очень молодой человек, почти что мальчик. Хоть одетый как слуга, он выказывал приятные манеры, а лицо его обладало благородными чертами, лишенными простонародной грубости.

– Капитан Гарци, – произнес юноша, – прошу вас, войдите внутрь, ибо дело, о котором я хочу с вами говорить, не относится к разряду тех, что решаются на улице.

Уверенный, что речь идет о коммерческом предложении – более выгодном, чем то, что я заключил с Фортезой в интересах его господина, – я вошел в калитку. В нескольких шагах позади за спиной слуги стояла юная девушка. Обычно прислуга на Майорке носит крестьянскую одежду, а женщины еще и мантилью. На знакомке же было платье из белого шелка и тафты, а темная накидка-вуаль закрывала часть лица. В одной руке она держала масляный светильник, другой – прикрывала огонь от сквозняка.

– Добрый вечер, капитан Гарци! Моя госпожа послала меня просить вас оказать ей честь своим визитом.

– Я сейчас несколько спешу. Кроме того, мне кажется, что это неподходящее время для визитов вежливости. По правде сказать, у меня назначена встреча, я уже обещал...

– Отложите ее, сеньор! – произнесла она, заговорщицки улыбнувшись и взяв меня за руку. – Моя госпожа никогда не простит мне, если я позволю вам уйти. Я должна провести вас к ней прямо сейчас. Вы не расскажете в этом, уверяю!

Я покорился и, говоря по правде, был горд тем, что слухи о моих достоинствах достигли ушей столь высокородной дамы. Пока мы шли к апельсиновым деревьям, я ощутил сладкий и сильный запах цветущего жасмина и мирта, который как будто окутывал ароматным занавесом остальные органы чувств, особенно зрение. Сад становился все гуще, а небо затянуло тучами. Несколько раз я спрашивал у моей провожатой, куда мы идем, но безуспешно. Я предположил, что она хочет запутать меня, поскольку мы направляемся в некое секретное место, дабы нельзя было понять, где находится дом. Мы прошли еще немного и ступили на тропинку, которая привела нас прямо к гроту, откуда начинался какой-то ход.

– Не бойтесь, капитан Гариц! Иным способом в это недоступное место не попасть, но я уже говорила, что выполняю приказ госпожи.

Мы прошли еще сотню шагов по проходу, и девушка внезапно остановилась перед дверью. Она постучала – и изнутри открыли. Мы оказались в помещении, где было не так холодно, но так же темно. Сильный запах базилика ударил в нос, из чего я заключил, что на сей раз оказался в прихожей дома.

– Мне было очень приятно сопровождать вас, капитан Гариц! – произнесла моя провожатая, разжимая руку, которой столь долго и нежно сжимала мою. – Но теперь я оставляю вас. Другой слуга проводит вас в покои моей госпожи.

Мне почти не пришлось ждать. Тут же появился юноша (во всяком случае, так мне показалось по голосу), который повел меня через тьму. Мы шли довольно долго. Наконец он предупредил, что прямо за дверью меня ожидает госпожа, и простился. Лишь продвинувшись дальше в полумрак спальни, я увидел причудливой формы кровать с задернутым пологом. На узорчатый дамст красного цвета бросал отблески светильник, стоящий на столе, заставленном мясными закусками и фруктами. Из-за полога ко мне обратился голос, прохладный, как озноб:

– Не бойтесь, капитан Гариц! Я пригласила вас, поскольку ваша слава похитила мое сердце и придала мне необходимую смелость. Ешьте и пейте все, что возбуждает в вас аппетит, ибо дорога сюда была не короткой, и я уверена, что вы испытываете голод.

Я отщипнул виноградину и пригубил вина: мне гораздо больше хотелось не утолить голод, а увидеть ту, что говорила со мной. Но когда я приблизился к ложу, чтобы проверить, столь ли прекрасно ее лицо, как и голос, светильник погас. Мне показалось, что виновато в этом было магическое искусство незнакомки, а не ночной ветерок, ибо дамастовые занавеси не шелохнулись, когда я хотел их отдернуть.

– Сеньора, я надеюсь услужить вам, чем могу, но мне хотелось бы знать ваше имя и увидеть своими глазами ту несравненную красоту, о которой я могу только догадываться, – произнес я.

– Капитан Гариц, – ответила она, смеясь и протягивая изящные руки для приветствия, – мне весьма приятны ваши слова, которые свидетельствуют о прекрасных манерах, кои я ценю, но я никак не могу назвать вам свое имя и уж тем более – показать лицо. Именно поэтому слуги провели вас в мои покои иным путем, чем прочих визитеров. Я, как вы могли догадаться, принадлежу к высшим кругам этого города, и, поверьте, только ваши исключительные заслуги укрепили во мне отвагу вас принять. Но оставим светские любезности, капитан Гариц, ибо рассвет прогонит эту ночь так же, как и любую другую.

Кровать оказалась гораздо более мягкой, чем та, что ждала меня в тот день, а тело прекрасной незнакомки, которая очень скоро перестала быть столь уж незнакомой, было бесконечно более мягким и нежным. Эта ночь оказалась самой короткой из тех, что прожиты мною, и – самой жаркой. Утехи любви сменялись разговорами, а потом вновь уста смолкали. Моя дама, любопытная, как все женщины, желала, чтобы я изложил ей по порядку всю мою жизнь, о которой ей уже было кое-что известно: с какого времени я капитан, сколько человек у меня в команде, что у меня за корабль, могу ли я перевозить пассажиров и в каком количестве, как управлять судном. Я удовлетворил ее любопытство исчерпывающими ответами, она же, как я ни настаивал, так и не открыла мне ни своего имени, ни лица, хотя тело было открыто для страстных поцелуев и волнующих ласк.

Негромкая песнь жаворонка возвестила о скором прощании. Перед тем как расстаться, моя дама пообещала, что на следующую ночь придет за мной слугу, дабы тот отворил калитку в стене. Она заставила меня поклясться, что я не стану рассказывать о нашем свидании никому, во всяком случае на Майорке, ибо считала, что взять с меня слово молчать всегда и везде невозможно, поскольку, как она могла заключить, я получаю удовольствие от

своих рассказов не меньше, чем от самих дел. Не имея возможности осмотреться, я покинул виллу через тот же потайной ход, что вел в сад, сопровождаемый теми же слугами. Когда я вышел на улицу, мальчик, что так недавно преследовал меня, вручил мне кошелек, полный монет, – подарок своей госпожи, отказываться от которого я посчитал дурным тоном.

Взволнованный происшествиями этой ночи, я, как только открыли городские ворота, вернулся на «Лебедь». На то, чтобы восстановить силы, понадобилась всего пара часов сна, но день в ожидании вечера тянулся бесконечно. Пока я следил за тем, чтоб мои подчиненные хорошо выполняли свою работу, голова была полна воспоминаниями о прошедшей ночи. Любая вещь напоминала о моей даме. Оливковое масло в глиняных кувшинах было того же цвета патоки, что и ее волосы – длинные и тяжелые на ощупь, казавшиеся мне то русыми, то темно-медовыми.

Когда пришло время, я отправился, сжигаемый страстью, к стене, окружавшей сад, с твердым намерением узнать, в каком точно месте открывается потайная дверь и какие дома расположены рядом. Хотя я и обещал не рассказывать никому на Майорке о нашей встрече (а я человек слова), мне хотелось узнать, кому принадлежит сей сад, и выяснить каким-нибудь образом там, где мне могли бы объяснить, куда идет ход, по которому меня вели. Но у меня почти не было времени, чтобы сосредоточиться на чем-либо или чтобы толком сориентироваться, потому что, как только я подошел к калитке, мне открыли.

– Добро пожаловать, капитан Гариц! – произнес слуга. – Наша госпожа ждет вас.

Молча улыбаясь, служанка, сопровождавшая меня накануне, взяла меня за руку и снова повела через сад и апельсиновую рощу к гроту, откуда начинался тайный ход, который на сей раз показался мне длиннее и холоднее. Когда мы вышли из него, у меня создалось впечатление, что это какое-то другое место, потому что дыхание моря, смешанное с запахом подгнивших водорослей и ракушек (которое, как вы понимаете, я не спутаю ни с чем) проник во все мои поры, а слух уловил его глухой и темный рокот в прибрежных скалах.

– Мы должны подняться по довольно крутой лестнице, капитан Гариц, – сказала моя провожатая. – Будьте внимательны!

Я насчитал шестьдесят ступенек, разделенных четырьмя площадками, на которых девушка останавливалась, чтобы передохнуть немного. На последней площадке она толкнула какую-то дверь.

– Капитан Гариц, прошу меня простить, но моя госпожа обязала меня завязать вам глаза. Здесь несколько светлее, а вы знаете, что вам не разрешено видеть сеньору.

У меня не было иного выхода, кроме как подчиниться. Мне на глаза наложили повязку, сделанную, должно быть, из шелка, поскольку прикосновение ее оказалось нежным, и оставили одного. До моих ушей доносилась спокойная мелодия – в комнате кто-то играл на лютне. Вдруг моя возлюбленная обратилась ко мне:

– Доброй ночи, капитан Гариц! Надеюсь, это место покажется вам столь же приятным, что и вчерашнее. Подойдите же!

Я сделал три или четыре шага по направлению к голосу, разведя руки в стороны, – не столько для того, чтобы обнять свою даму, сколько чтобы не наткнуться на что-нибудь. По правде сказать, я чувствовал себя сбитым с толку и смешным. Мне захотелось сорвать повязку и, оставив все правила хорошего тона, немедленно овладеть ею с открытыми глазами. Ее рука коснулась моей и остудила мой пыл.

– Присаживайтесь, капитан! – сказала она, помогая мне сделать это. – Если хотите, я сыграю вам. Вам нравится музыка?

Я сказал неправду. Привычный к бесконечному гулу моря, я не знаю иной музыки, кроме шума волн. По правде говоря, я не большой любитель музыки. Оттягивать то, ради чего я был сюда призван, казалось мне, ей-богу, надувательством. Однако, как подобает в таких случаях, я притворился и потому ответил:

– Очень, сеньора! Музыка возвышает душу и смягчает печаль.

– Но иногда она лишь углубляет страдание, – сказала она.

Произнеся это, моя возлюбленная печально вздохнула.

– Вы желаете отвратить чего-нибудь, капитан, или, может быть, испытываете жажду?

– Нет, сеньора, лишь одно у меня неутоленное желание и только один голод меня мучает... Вы!

– Имейте же терпение, еще рано! Мне так нравится слушать ваши рассказы о море!

Я довольно долго развлекал ее своими морскими байками. Она внимательно меня слушала. Иногда, заинтригованная, моя госпожа расспрашивала о далеких портах, которые знала лишь по названиям, так как, казалось, очень интересовалась путешествиями и плаваньями.

– Сеньора, – сказал я, когда уже был сыт рассказами и пояснениями, – не длите более мои мучения! Позвольте моему рту замолчать, и пусть заговорит моя бурлящая кровь!

И, как и в прошлую ночь, мы начали нашу бескровную битву на том ложе, на котором сидели. Уже почти наступил рассвет, когда она уснула, нежно положив голову мне на грудь. Тогда я понял, что настал, наконец, момент снять повязку с глаз. Со всевозможным старанием, почти не шевелясь, я ослабил узел и поднял ткань на лоб.

Всего несколько секунд я смотрел на нее, но запомнил на всю жизнь. И вовек не смогу позабыть, потому что видел, думается, истинно райское создание. Лицо ее, освещенное слабым светом луны, которая уже была готова исчезнуть с неба, являло собой совершенные пропорции. Лоб был высок и бел, как, впрочем, и весь лик, казавшийся почти прозрачным, словно пена волн. Длинные и густые волосы цветом напоминали скорее шафран, нежели патоку. Брови походили на два небольших лука, изготовившихся выстрелить стрелами глаз. Глаза же были прикрыты веками, а потому не знаю, какого они цвета. Пухлые губы – розовы и нежны. Тело, казалось, сошло с тех гобеленов, что я видел в одном дворце в Венеции, столь оно было совершенным. Я умолчу о ее ступнях, поскольку их чудесная молочная белизна заслуживает особого разговора. Как две горлицы – нежные и теплые – дремали они на подушках из тафты, разбросанных по софе, и я не мог побороть искушение целовать их, как целуют, поклоняясь, священную реликвию. Нет, увиденное не разочаровало меня. Напротив, лишь подогрело мое желание сделать это прекрасное тело еще раз моим, чтобы вновь вкусить наслаждение.

Я вернул повязку на глаза и начал ласкать мою возлюбленную так, как почти что не переставал делать этими чудесными ночами. Очень скоро мне удалось разбудить ее – веки дрогнули, – и наши тела вновь сплелись до тех пор, пока верный себе дерзкий жаворонок не возвестил приход предательской зари. Со слезами и обещаниями мы простились до следующей ночи, которая должна была стать последней, потому что прошло уже довольно много времени, как мой корабль бросил якорь в гавани Порто Пи, и днем позже мы должны были взять курс на Ливорно.

На борту «Лебеда» меня уже ждала в волнении команда, потому что ночью на борту занялся пожар. По счастью, моряки смогли его погасить, но это происшествие задерживало выход в море до тех пор, пока все не будет приведено в порядок. Новость, которая в иное время привела бы меня в ярость, почти не тронула моего сердца, охваченного иной заботой, – о моей даме. Я думал о том, как разузнать, каково имя моей госпожи и к какому роду она принадлежит, не задевая ее чести. Мне мнилось, что те дары, которые, как и накануне, я получил через слугу, помогут прояснить кое-что, поскольку на перстне с брильянтом, сопровождаемом еще одним кошельком с майоркскими унциями³, были выгравированы инициалы SP. Пожелав, чтобы моя дама увидела, как оно сверкает у меня на мизинце, я надел его и, прежде чем

³ Унция – распространенное наименование испано-американского дублона; золотая монета, равная 8 реалам.

отправиться на свидание, собрался пройти через улицу Сежель, дабы попытаться разузнать в лавке знакомого ювелира происхождение кольца. Ювелир принял меня весьма учтиво, но не разрешил мою загадку. Он препоручил меня коллегам по ремеслу, но и те ничего не прояснили. По их пониманию, инициалы могли означать как чье-то имя, так и девиз «Sempre Present»⁴, особенно если это подарок дамы, влюбленной в меня.

Я торопливо шагал вдоль стены по направлению к железной калитке, когда услышал шаги. Посмеиваясь над своими страхами в первую ночь, я решил, что слышу слугу, идущего по другую сторону по саду. Но внезапно я обратил внимание, что шум похож на шаги не одного человека, а скорее целой группы людей, и обернулся.

Это были четверо вооруженных мужчин, которые атаковали меня, не дав опомниться, – пистолет остался за поясом. Они колотили меня до тех пор, пока я почти что не испустил дух и не упал посреди улицы. Сколько я ни вопрошал их, ради чего они напали, ответом мне было молчание. Заслышав шаги ночного патруля, бандиты исчезли. Только благодаря этому я остался жив и сохранил кольцо, которое они сорвали у меня с пальца: по счастью, оно упало во время их стремительного бегства. Ползком я дотащился до железной калитки в стене и стал стучать в нее, взывая о помощи, но никто не открыл мне, хотя внутри и слышали мои крики, потому что бросили на улицу записку, которую я не имел сил прочитать. Как мог, я добрался до дома Дескос, где Фортеза приютил меня. Но и он не захотел сказать мне – если знал, – кто же дама моего сердца. Сад принадлежал одному неженатому купцу, а сообщался он со стеной монастыря. Про тайные ходы графский управляющий не знал ничего. Пока мои раны обрабатывали, я прочел записку. «Капитан Гарц! – говорилось в ней. – С великой болью и мукой я признаю, что вы – не тот человек, за которого я вас принимала, ибо вы дважды нарушили вашу клятву. Не пытайтесь проникнуть в мой дом под страхом смерти, потому что ваша жизнь окажется в еще большей опасности, чем сейчас. Будет лучше, чтобы паруса вашего корабля никогда не наполнял ветер, дующий в сторону Майорки, подавая надежды, которые в столь краткое время были во мне разрушены. Будьте прокляты вы и будь проклята я, ибо нарушила верность тому, кто должен был прийти по морю и дать мне нечто, что вы не смогли».

Вышагивая вдоль стены, окружающей сад, Жоао Перес в сотый раз прокручивал в голове историю, которую капитан Гарц то читал по линиям руки, в коих, как он утверждал, записана вся жизнь, то живо рассказывал по памяти. Историю, точь-в-точь совпадавшую со сном Жоао. Только на сей раз он, а не капитан Гарц, был вестником, коего Купидон вкупе с матерью его Венерой послали к даме, той самой, что в ясные дни высматривала в далекой синеве моря паруса, устремленные к острову, – а вдруг да на одном из них плывет возлюбленный, который век ее не предаст.

В воображении он упивался изысканными наслаждениями: сладостным ароматом роз, журчанием воды в источнике и, наконец, опьяняющим прикосновением прекрасной незнакомки, ради которой он с радостью утратит зрение, коли таково будет ее желание. Но колокол Святой Клары пробил начало ночи, а потом – ее завершение, и Жоао понял, что дальнейшее ожидание, по крайней мере сегодня, напрасно. Он уже собрался уходить, когда вдруг услышал звук шагов. С часто бьющимся сердцем юноша на мгновение остановился, чтобы, как и капитан Гарц, проверить, не эхо ли это его собственных шагов. Нет, на этот раз ему не показалось. Шум слышался чуть дальше и становился все явственней по мере того, как кто-то приближался по ту сторону стены. В неясном свете едва занявшейся зари можно было различить смутную фигуру, которая пыталась бежать, спотыкаясь, и внезапно упала на землю. Более заинтригованный, чем испуганный, тем паче, что эта призрачная тень могла нести ему долгожданную

⁴ «Навсегда со мной» (катал.).

весть, он приблизился и в неверных лучах разгорающегося утра увидел, что это – женщина. Не осмеливаясь поднять ее, Перес на несколько секунд замер, пытаясь соотнести события из своего сна с появлением этой фигуры, но ничего похожего в сновидении не было. Как всегда бывало, когда он в образы из ночных грез пытался вписать новый, который никак не вязался с теми, что он созерцал с закрытыми глазами, Жоао задержал дыхание, чтобы лучше почувствовать запах незнакомки. Но запах пепла и пыли, проступавший сквозь аромат мускуса, ни о чем ему не говорил. Вдохнув как можно глубже, чтобы не ускользнула ни одна нота, он ощутил благовоение роз, мучительную сладость которого принесло дуновение ветра, восхитительный аромат жасмина и белоснежных цветов апельсиновых деревьев. Эти запахи, схожие с теми, что по его просьбе описал ему капитан Гарц, были, однако, лишь предвестьем того единственного запаха, который много лет наполнял по ночам его комнату и пропитывал длинные густые волосы прекрасной дамы из грез. Вдохнуть этот аромат и, словно поклоняясь святыне, преклонить голову и погрузить лицо в мягчайшее облако ее волос – вот одна из целей предпринятого им путешествия и награда за все те услуги, которые загадочная дама могла потребовать. Запах и воспоминание об этом благоухании из сновидения защищали и отвлекали во время походов в бордели, заставляли его перед началом любовных утех зарываться лицом в волосы женщин, поскольку даже едва уловимый аромат обыкновенно воспламенял гораздо больше, чем самые смелые и изощренные ласки.

Склонившись над покрытой пеплом фигурой, Перес больше приняхивался, чем смотрел на нее. Он вдыхал запах, идущий от тяжелых складок черной, плохо сшитой мантильи, испускавшей уксусный дух, смешивающийся, если наклониться пониже, с запахом прогорклого масла, который ему совсем не нравился. Жоао выпрямился и спросил женщину, не ранена ли она и может ли он чем-либо помочь.

Но она не отвечала, только испуганно смотрела на него и сжимала грудь рукой, на которой Жоао Перес заметил пятно крови.

– Вы ранены? Скажите мне, куда я могу вас отвести, чтобы вам оказали помощь...

Она глубоко вздохнула и внезапно закрыла глаза – веки ее были удлинненными и темными, черты лица смягчились, и Перес нашел его более привлекательным. На ней были короткая, кое-как застегнутая куртка, словно она одевалась второпях, и юбки из грубой ткани, запачканные кровью. Сколько ни вспоминал Жоао рассказ Гарца, он был совершенно уверен – эта девушка в нем не упоминалась. Она не походила ни на мавританскую рабыню, ни тем более на прекрасную незнакомку с кожей ангела. То ли капитан забыл упомянуть о ней, то ли просто оставил лежать на земле, как побитую собаку, не оказав ей помощи, и поэтому умолчал о ней в своей истории. Но все эти догадки – пустые. Девушка здесь лишняя, она – не часть приключения, она не участвует в действии. Она внезапно возникла из темного чрева занимающейся зари, хотя ее никто не звал, в ней никто не нуждался. Однако ее появление потрясло его и взволновало, пробудило в нем чувство нежности, которое было чем-то большим, чем просто жалость к раненой. Он не стал вновь перебирать свои воспоминания о прошлых снах, чтобы обнаружить в них, быть может, какие-то сведения, способные прояснить неожиданные обстоятельства, в которых ему неоткуда было ждать помощи.

– Куда вас проводить, сеньора, чтобы вам оказали помощь?

Ответа не было – девушка лежала без чувств. Перес понятия не имел, куда можно ее перенести. Он плохо знал город. По внешнему виду девушка походила на служанку или дочь каких-то ремесленников. *Куда она шла в такой час? Спасалась от кого-то или, кто знает, сама кого-то преследовала? Убегала из дома или стремилась к нему?*

В квартале располагались дома богатых горожан, два монастыря, несколько садов. Чуть дальше, в паре сотен шагов, – церковь Святой Эулалии. Перес гадал, что предпринять. Быть может, самое разумное – оставить все как есть и уйти. Кто-нибудь пойдет мимо и поможет девушке. Все, что он может, – убраться подальше. Поскорее дойти до порта и, едва откроют

ворота, в несколько прыжков добраться до Порто Пи, где стоит на якоре «Минерва». Кто эта несчастная? Ему стоило прийти пораньше на мол, чтобы никто не заметил его ночной отлучки и не возникли подозрения, которые могут повлечь наказание, страшнее которого не бывает: наказание за нарушение запрета сходить на берег. «Только не это! – думал он, направляясь прочь от девушки. У него не было иного желания, кроме как вернуться на это таинственное место завтра и вновь испытать судьбу. Кроме того, если мимо пройдет патруль алгутзира и застанет его возле раненой девушки, то все пропало. Кого объявят виноватым, как не его, чужестранца, человека здесь случайного, пойманного на месте преступления. Вслед за этой мыслью пришел страх: если его бросят в тюрьму, никто не вступится за него и не защитит перед лицом закона. Что значит для капитана какой-то неудачливый моряк без рекомендаций? А кто может озаботиться его судьбой? Священники из семинарии, откуда он сбежал два года назад? Отец, который никогда не поддерживал его, хотя и был влиятельным коммерсантом? Увы, Перес уж точно не ходил в любимцах среди прочих отцовских бастардов... До Баррос, единственный друг, которому Жоао рассказал об истинной причине своего путешествия, счел его сумасшедшим. *«Поди знай, где правда, где ложь в рассказах Гарца!»* – сказал он. *«А что, если прекрасная незнакомка уже дождалась того, кто явится к ней издалека и утешит? Не слишком ли долго – ждать тебя четыре года, не зная, что ты должен прийти...»* – насмешливо прибавил Баррос, когда Перес вновь стал твердить, что свято верит в безошибочность своего сна.

Он уходил прочь, не выказывая поспешности, чтобы не вызвать подозрений, поскольку город на рассвете начал заполняться утренним людом: священниками, спешащими на мессу, каменщиками-поденщиками, работавшими на строительстве форта, влюбленными, которые, как он сам, опустив голову, чтобы никто их не узнал, возвращались домой. Перес уже был готов свернуть за угол, но не смог устоять перед искушением взглянуть, лежит ли еще девушка на земле. Издали нечеткий силуэт походил на кучу грязного тряпья. Ему показалось, что он слышит стон. Внезапно Жоао бросился к девушке, поднял на руки и твердо решил отнести туда, где можно ее укрыть. Так, почти заключив девушку в объятия, он направился в противоположном направлении, отрезая себе пути к бегству. Юноша шел к площади Святой Эулалии. На уличной пыли осталось пятно крови. *«Я узнаю, откуда она пришла, – сказал себе Перес, – но, возможно, лучше б мне оттуда бежать»*. Он шел, моля Бога, чтобы чья-нибудь дверь открылась и какой-нибудь добрый самаритянин вышел помочь им. Однако все двери были закрыты. Перес вновь обратился к рассказу капитана Гарца, вспоминая, где именно по левую сторону находится контора Фортеза, в которой он занимается торговыми делами графа. Дом имел большую галерею и герб над входом: лев на серебряном поле. Он постучит в дверь и представится другом капитана. Удары гулко раздавались в воздухе. Одно из окон открылось, и выглянула какая-то женщина.

– Я друг капитана Гарца, сеньора. Я нашел на улице эту раненую девушку.

– Дурную память оставил по себе капитан Гарц, сеньор, – ответила женщина. – Не знаю, чем мы сможем вам помочь. Правда, девушка мне знакома. Это Айна Метатрон. Она живет на улице Сежел⁵. Это в пятидесяти шагах отсюда, прямо за церковью. Ее дом на углу улицы Арженерия, последний по правую руку.

Она не дала Пересу ответить, с силой захлопнув окно, так что дерево хрустнуло. Стадо овец, охраняемое сторожевым псом, наполнило звоном колокольчиков начинающийся день и вынудило юношу прижаться к стене. Пастух не обратил ни малейшего внимания на ношу в руках Переса. Тот закашлялся от поднявшейся пыли, которая припорошила пятна крови. Контуры колокольни церкви Святой Эулалии чернели на фоне белесого неба, словно утренний свет все еще медлил вступить в свои права. Когда Жоао Перес свернул на улицу Сежел, темные

⁵ В Каталонии евреи селились в отдельных районах города, которые обычно назывались Каль (от древнееврейского «качал» – община). В романе он называется Каль Сежел («Клейменный квартал») и представляет собой одну улицу.

следы крови вновь начали оставаться на земле. Лавки еще были закрыты, из труб не шел дым. «Слабый свет сегодняшнего утра не мешает людям спать, – думал он. – Все встают попозже в такие дни». Юноша устал. Он тяжело дышал, когда подошел к двери, указанной служанкой из дома Фортеза. Толкнув её, вошел внутрь. Внутри было темно. В нос ударил запах омелы.

– Есть здесь кто-нибудь?

Никто не ответил. В комнате не было окон. Немного света проникало из лестничного проема. Его хватало, чтобы рассмотреть горы старой одежды, разбросанной повсюду. От нее шел запах бедности, мочи и грязи. Нет, здесь девушку оставлять нельзя. Из последних сил он начал подниматься по ступеням, ведущим на второй этаж. Косые лучи света, проникавшие через неплотно закрытые ставни, выхватывали из тени отдельные предметы. В недавно потухшем очаге дымилась зола. Незатейливые полки выстроились на полке, однако стол был накрыт вышитыми скатертями, будто здесь готовились к праздничному обеду. Наверху, в стоящем возле прикрытых горшков кувшине, зря горел масляный светильник. Перес пристроил, как мог, на одну из лавок девушку, которая так и не пришла в себя. Юноша не решился ни расстегнуть на ней одежду, ни ощупать тело, чтобы исследовать рану. Куском ткани он отер ей руки, испачканные кровью, и, не зная, куда деть тряпку, бросил ее в золу. Перес услышал чье-то тяжелое дыхание: звук шел откуда-то издалека, из глубины дома. Он отправился на поиск хоть кого-нибудь, кому мог бы сказать, что нашел Айну. Молодой человек увидел каморку с топчаном, кое-как прикрытым простыней, на котором лежал мужчина. На спальном была ночная рубашка, запятнанная кровью. Но это был не тот, кто стонал во сне. Стоны раздавались где-то дальше. В следующей комнате Перес обнаружил юношу – тот корчился на полу, зажав руки между ног.

– Что с вами случилось? – в растерянности спросил Жоао.

– Пойдите прочь! Немедленно убирайтесь! – воскликнул раненый. – Вон отсюда!

Перес подчинился. Он направился было к двери, но, перед тем как выйти, остановился: ему пришлось крепко сжать зубы, чтобы сдержать подступившую тошноту. На улице в пелене облаков, затянувших небо, образовались просветы, сквозь которые тяжелое солнце смотрелось яичным желтком. Однако соседи, похоже, вовсе не беспокоились, что утро вот-вот вступит в свои права: двери лавок и мастерских оставались на замке, а окна были закрыты ставнями. Дым из труб не шел. Перес несколько мгновений стоял неподвижно посреди улицы, а затем внезапно начал кричать:

– На помощь! На помощь! Помогите!

Его голос отдавался эхом. Крик ударялся в двери, просачивался через щели, проникал в самый дальний угол каждого дома, бил, как тяжелый кулак, по стенам и отскакивал от глины. Но никто, казалось, не слышал. Никто не выглянул в окно, не вышел на порог. Жоао Перес ждал, стоя посреди улицы, хоть малейшего знака о том, что ангел-истребитель не перерезал всем глотки своим огненным мечом.

II

– Подумай хорошенько, сын мой, и когда почувствуешь, что готов, то изложи все на бумаге, а затем приходи показать мне: мы посидим, поговорим. *Ego te absolvo a peccatis tuis in nomine...*⁶

Тонкие восковые пальцы исповедника начертили в воздухе, пропитанном ладаном, крест одновременно со вступительными аккордами органа. Зазвучал *Te Deum*⁷, и церковь, переполненная людьми, наполнилась хором голосов. *Te Dominum confitemur...*⁸

⁶ «Отпускаю тебе грехи твои во имя...» (лат.)

⁷ Католический гимн «Тебя, Бога, хвалим», авторство которого приписывается св. Амвросию Медиоланскому (IV в.).

Со склоненной головой Рафел Кортес по прозвищу Шрам вернулся на свое место, преклонил колени и проникновенно запел вместе с певчими: *Te aeternum patrem omnis terrae veratur...*⁹ Хотя служба была поздняя, закатное солнце проникало сквозь витражи, окрашивая в них свои яркие лучи. Цветные отблески ложились на фигуры Христа, Господа нашего Всемогущего, Девы Марии и святых из божественной свиты, которые занимали полукруглые ниши в стенах; все они сияли в полном своем великолепии, словно аура святости на самом деле окаймляла их головы и стекала на тела, которые уже покинули сей мир. *Tibi Cherubim et Seraphim incessabili voce proclamant*¹⁰. Многие из тех, кто рассматривал витражи, не могли удержать взгляд на этих ослепительных фигурах более нескольких секунд – ослепленные, они переводили его на табернакль¹¹, где Святые Дары были выставлены в дароносице¹² из золота и серебра, и она тоже сверкала, как витражное стекло, хоть и не так ярко. *Sanctus, Sanctus, Sanctus, Dominus Deus Sabaoth*¹³. Рафел Кортес смотрел на стеклянный шар, по контуру которого ювелир, изготовивший дароносицу, пустил семь звездных лучей, а затем опустил голову и закрыл лицо руками, чтобы сосредоточиться. Грехи ему отпущены, он чувствовал удовлетворение: и от того, что исповедь была такой, как надо – не упущено ни малейшего прегрешения, и от того, что все, кто был рядом с исповедальней, видели, как он провел там ровно столько времени, сколько положено, ни больше ни меньше, с приличествующим моменту выражением лица. Теперь, сидя на своем месте, наполнив слух звуками *Te Deum – te Profetarum laudabilis*¹⁴, – Шрам пытался сосредоточиться на молитвенном прошении Розария¹⁵, поскольку свидетельство, которое потребовал от него исповедник, когда намекал на тайные деяния Рафела Кортеса по прозвищу Дурья Башка, мешало ему слушать. Однако он пришел к выводу, что никто, и меньше всех – отец Феррандо, не может поставить под сомнение его католическую веру.

Кортес замер с опущенной головой и закрытыми глазами: только пальцы нервно перебирали бусины четок. Со всей сосредоточенностью, на которую только был способен, он читал про себя положенное число «Аве, Мария!»¹⁶. Временами он отвлекался, думая о том, что идет по истинному пути спасения, не то что его родня из квартала, которая упорно держалась в тайне за закон Моисеев и гордилась своей принадлежностью к народу, избранному Яхве¹⁷, в то время как прилюдно им приходилось изображать из себя христиан и участвовать во всех церковных службах. А с ним все иначе: публично и с удовольствием отрекся он от старой веры и, как бы его ни предупреждал Дурья Башка, не думал возвращаться ни к древним обрядам, ни к запрету на употребление свинины и рыбы без чешуи. Он был уверен, что его больше не станут мучить угрызения совести, когда отец в очередной раз заговорит о достойном примере матери, обращенной иудейки, которая в предсмертной агонии спрятала за щеку священную гостию¹⁸, чтобы на последнем вздохе выплюнуть ее и вручить свою жизнь одному только Яхве.

⁸ «Тебя, Господа, исповедуем» (*лат.*) (перевод дается по: Сборник Церковных Песнопений. Рим-Люблин, 1994. С. 255–258).

⁹ «Тебя, вечного Отца, вся земля величает» (*лат.*).

¹⁰ «К Тебе херувимы и серафимы непрестанно зывают» (*лат.*).

¹¹ Здесь – место в церкви, где хранятся святыне дары, увенчанное навесом на четырех колоннах.

¹² Священный сосуд для выставления святых даров. В центре его находится круглый сосуд из прозрачного стекла, от которого расходятся лучи, символизирующие солнце.

¹³ «Свят, свят, свят, Господь Бог Саваоф» (*лат.*).

¹⁴ «Тебе пророческое хвалебное число» (*лат.*).

¹⁵ Молитвословие по четкам, состоящее из повторения определенного числа молитв («Отче наш», «Радуйся, Мария», «Славься, Царица» и т. д.).

¹⁶ Во время Розария 50 раз читают молитву «Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с Тобой, благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего Иисус. Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Аминь».

¹⁷ В иудаизме – имя Бога, которое, согласно заповедям (Исх. 20: 7; Втор. 5: 11), было запрещено произносить.

¹⁸ Евхаристический хлеб в западных литургических обрядах.

Не усомнится он в своем выборе и когда Дурья Башка настойчиво будет убеждать, что евреи, прибывшие из-за моря, принесли точные и несомненные известия о неизбежном пришествии Мессии¹⁹. К тому же сейчас, когда он находился в окружении людей, его не отвергавших, и слух его наполнялся музыкой, *Tu rex Gloriam, Christe. Tu Patris sempiternus es Filius*²⁰, а обоняние – благовонием ладана, Кортес чувствовал свою причастность к обряду, казавшемуся ему несравненно более прекрасным, чем те, что тайно устраивает его родня в своих домах. Не зря он принимал участие в этих торжественных церковных службах, ощущая себя не просто наблюдателем, но главным действующим лицом в них, становясь вместе с прочими верными частицей того великолепия, которым полноправно пользовался. *Tu ad dexteram Dei sedes in Gloria Patris*²¹. Ибо те богатства, что хранятся в церкви, те драгоценные камни, столь искусно вставленные в подножие дароносицы, то золото, коим инкрустирован главный алтарь, то серебро, каким изукрашены дверцы дарохранительницы, принадлежали также и ему, подобно тому как дневной свет или ночная тьма принадлежат всем и никому конкретно.

Ему с детства хотелось стать священником, чтобы блистать в белой ризе, расшитой золотой нитью, как те клирики, что закончили сейчас службу, а еще из-за их рук, осененных особой благодатью, и чтобы вокруг клубились облака душистого ладана, который разжигает мальчик-служка, но мать выбила эти мечты из его головы. *Te ergo quaesumus*²². Иметь право служить мессе, быть причастным к чуду, когда Бог спускается в твои руки только потому, что ты произнес сакральные слова, казалось ему наилучшим уделом в этом мире. У раввинов нет такого могущества. По правде сказать, места, в которых они могли открыто отправлять свои обряды, да и сами церемонии, не такие прекрасные, как здесь. Бить себя в грудь или до изнеможения склонять голову возле стены плача – это не то зрелище, от созерцания которого можно получать наслаждение. А вот движения священников во время мессы – то коленопреклоненных, то стоящих прямо, то сидящих – были исполнены гармонии и меры, также как их жесты. *Salvum fac populum tuum, Domine*²³. Кроме того, быть священником – значит иметь право в изобилии отпускать грехи и раздавать благословения, а еще – налагать наказания, знать чужие слабости и самые тайные желания. Наверное, поэтому он находил совершенно естественным то, что отец Феррандо так тщательно исследовал его совесть и интересовался духовной жизнью не только его самого, но и всей его родни, которая не так часто посещала исповедальню, как ему бы того хотелось. Убежденный, что поступает так, как сделал бы сам исповедник в подобной ситуации, Кортес не находил никакого извинения своему нежеланию писать бумагу, даже если принять во внимание, что ему стоило гораздо больших усилий изложить свои обвинения письменно, а не повторить их устно. Не мог он и отложить встречу, сославшись на какое-нибудь затруднение, чтобы выиграть немного времени. *Fiat misericordia tua, Domine, super nos*²⁴.

Служба закончилась, и Шрам собрался покинуть церковь, которая пустела по мере того, как священники скрывались в ризнице. Однако он решил позаботиться, чтобы те, кто еще оставались в помещении, заметили его присутствие. Поэтому, перед тем как выйти, Кортес зашел в часовню Иисуса Святейшего, где молилось несколько знакомых ему набожных прихожан. Священник, сопровождаемый двумя служками, уже погасил свечи, горевшие во время мессы, и собор, больше не освещаемый зашедшим солнцем, заполнился вечерними тенями. Поскольку тем не менее видно было еще достаточно хорошо, он решил побыть в капелле до наступления темноты, дожидаясь момента, когда отец Феррандо закончит исповедовать, и, прежде чем свя-

¹⁹ Народу Израиля через пророков было обещано явление Искупителя и Царя, которого иудеи ожидают в течение всех времен.

²⁰ «Ты – Царь славы, Христе. Ты – Отца присносущного Сын» (лат.).

²¹ «Ты одесную Бога восседаешь во славе Отчей» (лат.).

²² «А потому просим Тебя» (лат.).

²³ «Спаси, Господи, народ твой» (лат.).

²⁴ «Да будет милость Твоя, Господи, на нас» (лат.).

щенник удалится в ризницу, чтобы оставить столу²⁵, пересечься с ним и потолковать откровенно. Это отличие от прочих кающихся ему льстило. Кроме того, если другие заметят, что исповедник отличает его от прочих, это будет кстати, ибо укрепит в глазах подозрительных уверенность в его непоколебимой христианской вере.

Кортес, не торопясь, направился к главному входу. Смочил пальцы в чаше со святой водой, спокойно перекрестился, подражая манере священников, и вышел. Он пересек площадь и пошел по улице, ведущей к дому Эсторнель, чтобы постараться застать в конторе Дескоза жену Габриела Фортеза, графского управляющего. Ему хотелось услышать из ее собственных уст то, что он уже слышал от других: будто она видела Айну Кортес, раненую и почти бездыханную, на руках какого-то моряка и указала ему дорогу к дому Дурьей Башки. Хотел он также узнать, отчего она сама не помогла девушке, хотя приходится родственницей Кортесам. Но особо его интересовало то, что сказал молодой человек. Правда ли, что моряк наткнулся на Айну случайно, на той же самой улице, когда убегал от патруля алгутзира, как он объяснил на допросе: он ходил туда и обратно между домом Эсторнель и садом Марото, ожидая свидания с одной дамой (чье имя отказался назвать), когда внезапно появилась девушка, то ли убежавшая, то ли преследовавшая кого-то. Когда он приблизился к ней, то увидел, что она ранена. *«Видела ли она, Изабел Фусте, чтобы кто-нибудь проходил мимо до появления Айны, и не был ли это случайно слуга каноника Аморога, каковой, испачканный кровью, искал укрытие подальше от этого места?»* Однако Изабел, недолюбливавшая Рафела Кортеса по прозвищу Шрам за дружбу с церковной камарильей, встретила его дурно и не сказала ничего нового: она, мол, отказалась принять Айну Кортес, поскольку решила, что полсотни шагов, отделявших девушку от отчего дома, не ухудшат ее состояния, а сама Фусте вовсе не желала, чтобы супруг и, тем более, сам сеньор граф ругались из-за того, что она пустила в дом неизвестного мужчину, который, к тому же, был чужеземцем и, думается, моряком с пиратского корабля, а с этой шайкой муж не хотел иметь никаких дел. Затруднения, что вышли с капитаном Гарцем, его старинным компаньоном, научили Габриела уму-разуму.

Рафел Кортес по прозвищу Шрам вернулся домой, довольный, что благодаря допросу (*«Я вел его, словно священник, – думал он, – но не простил грехов»*) начал собирать информацию, о которой просил отец Феррандо, но еще больше – от того, в какое смятение его визит привел Изабел, слышущую в квартале убежденной иудейкой.

Он пролежал без сна почти всю ночь. В надежде, что небольшая прогулка поможет, Кортес даже поднялся на крышу, которая была больше соседских и возвышалась над ними. Оттуда, как и много раз до этого, он увидел темный силуэт Пере Онофре Марти: тот, повернувшись лицом к Востоку, всматривался в теплую звездную тьму. *«Молится, – громко воскликнул Шрам. – Ну-ну... Молись не молись, Адонаю²⁶ не нравятся рогоносцы!»* Так Кортес объяснял для себя все несчастья Марти, у которого дела пошли из рук вон плохо с того дня, когда кто-то рассказал ему, что его вторая жена, Китерия Помар, десятью годами моложе мужа, имеет тайную любовную связь с мужчиной ее возраста.

Кортесу показалось, что он видит среди развешенной для просушки одежды лысую голову Микела Боннина, стоящего в той же позе, что и Марти. Он вдруг подумал, что отец Феррандо был бы рад как-нибудь вечером созерцать вместе с ним зрелище, открывающееся с крыши, после того как Шрам угостит его на ужин большим сочным лангустом, объедки которого можно демонстративно бросить перед дверью²⁷. Пожалуй, тогда двоюродный братец

²⁵ Часть облачения католического священника во время исповеди. Представляет собой ленту из ткани фиолетового цвета (аналог православной епитрахили).

²⁶ Одно из обозначений Бога в иудаизме, использующееся как замена имени Яхве, которое считается священным и потому не произносится вслух.

²⁷ «Иудеи не едят даров моря, соблюдая завет: “Из всех животных, которые в воде, ешьте всех, у которых перья и чешуя, а всех тех, у которых нет перьев и чешуи, не ешьте: нечисто это для вас”» (Втор. 14: 9–10).

Рафел Кортес по прозвищу Дурья Башка будет разочарован больше, чем обычно, и перестанет приставать к нему со своими увещеваниями вернуться на путь истинный.

Чтобы не пропустить ни одного события в домах соседей и лично пронаблюдать за всем происходящим, Шрам, как обычно, устроился на скамейке в укромном месте. С тех пор, как пять лет назад умерла его жена, он мог не следить за временем. Поэтому он проводил здесь долгие часы, пока самому не наскучит. Единственная служанка, жившая в доме, спала внизу около мастерской и к тому же была глуховата. Так что на верхнем этаже можно было делать что вздумается, безо всякого опасения. Благо, и спала она как убитая, и никогда не просыпалась посреди ночи. Так что, если заказчик давал ему работу, а время поджимало, Кортес забирал с собой наверх инструменты и трудился всю ночь, чтобы приложить все силы и сдержать слово.

Ночь, когда случился переполох, о котором отец Феррандо желал знать во всех подробностях, Рафел провел без сна и вставлял рубины в драгоценный гарнитур, который сеньор Аларо заказал к свадьбе дочери. В неверном предрассветном свете – день обещал быть пасмурным – наводя порядок в своих орудиях труда, он услышал на улице шум. Через окно ему показалось, что какой-то человек, закутанный в плащ, пытался бежать, хотя его шатало и ему приходилось опираться о стены. Несколько мгновений спустя, когда неизвестный повернул к площади и уже почти пропал из виду, из дома вышла Айна Кортес, дочь Дурьей Башки, одетая словно бы впопыхах, на скорую руку. Она шла с трудом и исчезла в том же направлении, что и незнакомец. Не думая ни о своем добром имени, ни о репутации своей семьи, потеряв всякий стыд и не заботясь о соседских пересудах, девица преследовала молодого человека и теперь подтверждалось то, что подозревали все: отвратительный Жули Рамис, бывший семинарист и бандит, слуга каноника Амороаса, чиновник инквизиции, навевается по ночам в ее комнату.

Рафел Кортес по прозвищу Шрам вслушивался и всматривался в рассветную мглу, но не различил ничего, кроме звука шагов. Ни криков, ни угроз, ни шума. Он не отходил от окна, поскольку подозревал, что скоро увидит своего брата, преследующего беглецов или, по крайней мере, поносящего дочь, которая выставила его на всеобщий позор. Однако улица оставалась пустынной, хотя день уже почти вступил в свои права, пусть и не очень яркий, по причине облачности. Из каминных труб не вились дымки... *«Не разводят огня, – подумал Рафел, – сегодня суббота»*. И с усмешкой стал думать о своей родне, которая договорилась между собой, что по-прежнему будет соблюдать шабат²⁸ – не работать, огня не зажигать, – но по очереди. Некоторые семьи освобождались от исполнения этой заповеди²⁹, чтобы таким образом отвести подозрения от остальных. Кортес уже собрался отойти от окна, чтобы собрать инструменты и отнести в мастерскую, когда заметил, что на улице Сежель появился юноша, несущий на руках женщину. Он двигался с трудом и всматривался в закрытые двери, словно искал какой-то знак. Затем прошел мимо дома Шрама – задрал голову, в надежде увидеть хоть кого-нибудь. Через несколько метров юноша остановился у дома Аины, толкнул дверь и вошел внутрь. *«Быть может, это и есть тот неизвестный в плаще, что выбежал оттуда до этого? Или сей молодой человек – добрый самаритянин, обнаруживший, что девушка нуждается в помощи, и принесший ее туда, где ей смогут помочь? С места не сойду, пока не увижу, чем все закончится»*, – решил ювелир, взбудораженный такими событиями.

Ему не пришлось долго ждать, потому что вскоре юноша выскочил из дома Дурьей Башки, остановился посреди улицы и стал звать на помощь, переполошив весь квартал.

Вместе с престарелой служанкой Полонией Миро, испуганной криками чужеземца и поднявшейся наверх в поисках хозяина, Шрам еще какое-то время наблюдал за происходящим. Потом, увидев, что молодой человек удаляется прочь, не дожидаясь прихода патруля, решил,

²⁸ Иудеи блюдут субботу как день покоя, в который нельзя работать (Исх. 34: 2), зажигать в домах огонь (Исх. 35: 3), печь и варить (Исх. 16: 23) и т. д.

²⁹ Заповедь субботнего дня была дана Моисею на горе Сион (Исх. 20: 8–11).

что лучше он не будет выходить из дому в поисках новых известий, а пойдет на крышу, – интуиция подсказывала ему, что оттуда он увидит больше, чем рыская внизу. Кроме того, с крыши можно услышать, что думают соседи о событиях этого утра. Из своего укрытия ему хорошо было видно родню, которая, как Рафел и предполагал, по своему субботнему обыкновению молилась: *«Ты, Господи, дал мне убежище, чтобы не унизиться мне во век. По великой справедливости Твоей, избави меня, преклони ухо Твое и спаси меня! Будь для меня оружием обоюдоострым, крепостью сильной, дабы уберечь! Избави меня, Господи, от рук нечестивых и угнетателей, от когтей злых сердцем, которые не любят Тебя! Ты – моя надежда, Господи, упование мое с младых лет. По милости Твоей я жив, ибо Ты извелк меня из чрева матери моей...»*

Молитвенные прошения Дурьей Башки, произносимые с большей настойчивостью, чем в другие субботы, были хорошо слышны. Шрам же своих хвалебных гимнов на крыше не читал, потому что стыдился брата. К тому же христиане использовали псалмы, чтобы молиться Господу Нашему, Отцу Всемогущему. Он часто признавался на исповеди, что то и дело предпочитает псалмы повторению «Отче Наш», но не оттого, что желает угодить и Адонаю, и Христу (как делают его родственники), а потому что ему кажется, что так его молитва более разнообразна и приятна божественному уху. Рафел Кортес по прозвищу Шрам оставил Дурью Башку разговаривать с Богом, сильно подозревая, что жар утренней хвалы Господу связан с настойчивой потребностью в божественной помощи перед встречей лицом к лицу с бедами своей семьи, и спустился с крыши в дом, поскольку желудок давно уже напоминал о завтраке. Пока он ел эскуделью³⁰, которую подала служанка, та сообщила ему, что, по словам соседки, этой ночью Рафел Кортес по прозвищу Дурья Башка хотел прирезать все свое семейство. *«Кортес молится на крыше, как всегда»*, – заметил на это Шрам, не принимая всерьез рассказы Полонии, поскольку подозревал, что та по своему обычаю преувеличивает. *«Уж можете мне поверить»*, – настаивала она. – *«Я видела тетушку Толстуху, которая несла целую кипу чистого тряпья, которого хватит на перевязку по крайней мере дюжины человек»*.

Рафел Кортес промолчал. Он-то считал, что тряпки тетушки Толстухи – местной знахарки и акушерки, способной исцелять самые разные болячки, нужны ей были вовсе не для такого дела. Вместе с Дурьей Башкой, кроме дочери Айны и двух сыновей – Жузепа Жуакима и Балтазара, – после смерти жены жил его шурин, который был несколько не в себе, да и возраста уже преклонного. Так что даже если допустить, что все они ранены – в гневе братец терял всякий рассудок, – то ранения должны быть легкими: как бы они ни почитали отца, но были молоды и могли если не ударить старика, то, во всяком случае, защититься или спрятаться. Так что единственное, что Шрам вынес из рассказней служанки, которая смотрела ему в рот, пока он ел свою эскуделью (сама Полония была готова закусить в любой момент, ее могла лишить аппетита только собственная смерть), – это предположение о скандале в соседнем доме.

Рафел Кортес открыл лавку и встал у дверей, чтобы посудачить о всякой всячине с первым же прохожим, как делал это ежедневно. Однако в эту субботу, одержимый желанием узнать, что же произошло в доме брата, он заводил разговор только о ночных событиях.

– Серьезная история приключилась! – выпалил Шим Вальерола, портной, у которого спина этим утром казалась согнутой больше обычного, будто возбужденное состояние духа давило на его горб.

– А что такое? – спросил Кортес, умевший быть изворотливым, как ласка, чтобы докопаться до сути и вытянуть из собеседника больше, чем тот хотел бы сказать.

³⁰ Типичное блюдо каталонской кухни: рис или паста, сваренные на мясном бульоне. Отношение к нему выражают поговорки «Ужинай скудно, обедай хорошо, ешь эскуделью и будешь здоров как бык» и «Эскуделья хороша и для тела, и для кошелька».

– Ты что, ничего не знаешь? Никаких подробностей? А ведь это и тебя касается. Он же твой брат... Так что дело-то семейное, – усмехнулся портной, с саркастической гримасой держась за дверной крюк.

– Если захочешь – сам расскажешь. Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Ну, дело-то нешуточное! Твою племянницу Айну, дочь братца твоего двоюродного, на руках принес домой раненую какой-то иностранец...

– Сочувствую ее отцу... – ответил Шрам, поджидая, когда портной расскажет что-нибудь менее известное.

Но Вальерьола ничего не сказал, потому что не мог поверить, будто Кортес, чей дом по соседству, не в курсе дела. Они знали друг друга с детства, и портному было хорошо известно, что Шрам – самый любопытный человек во всем городе. Кроме того, Полония иногда рассказывала ему, что ее хозяин почти не спит, частенько работает ночами и проводит много времени, подсматривая за соседями. Тут на улице появилась жена Вальерьолы, остановилась возле двери и засыпала ювелира вопросами: слышал ли он, как кричал это юнец, и разбудил ли тот его, как ее саму, так что она встала уже довольно давно.

Кортес что-то неразборчиво пробормотал, а потом сказал, что вряд ли произошло что-то из ряда вон выходящее, раз Дурья Башка, как и каждую субботу, возносил утром на крыше хвалу Господу.

– Мы всё узнаем, когда выйдет тетушка Толстуха, если она, конечно, захочет рассказать, – заключила портниха своим пронзительным голосом. – Ну, для нас это не так важно, как для тебя, – все-таки они твоя родня.

Шрам в точности запомнил все – вплоть до жестов, сопровождавших слова Вальерьолы и его жены Рафелы Миро, которую мать Кортеса прочила ему в жены много лет назад, поскольку считала ее подходящей ему парой... Что же касается его самого, то он не выносил эту девицу, поскольку не находил в ней ни крупинки изящества. Кортес был чрезвычайно доволен, что поступил вопреки желанию родительницы, хоть и остался в результате без потомства. Когда ювелир женился, то ему хотелось завести ребятшек, однако сейчас он благодарил Бога, что тот не послал ему детей. Жена не родила, и так Господь помог избежать им участи тех, кого в квартале презирали как «дурную кровь». *«Если ты женишься на Жуане, – предостерегал брат, – совершишь большую ошибку. Адонай спросит с тебя. Ты подумал, что с ней ты не сможешь блюсти Закон учителя нашего Моисея?»*

Но у Рафела своя голова на плечах. Не уступил он и требованиям матери, которую особенно раздражало то, что будущая невестка не принадлежит к их общине и не выказывает должного уважения к вере и обычаям. Жуана была почти девочкой, когда хозяйка пекарни возле церкви Святой Евлалии забрала ее из сиротского приюта, чтобы та помогала в лавке и выполняла самую тяжелую работу по хозяйству. Грациозная, с глазами цвета листьев оливы, с худыми коленками, она намывала полы, стараясь не замечать боли в спине, которая донимала бедняжку до самой смерти. Когда девочка временами задумывалась о своем будущем – усевшись, как положено настоящей сеньоре, – то чаще всего представляла, что выходит замуж за Шрама, хотя тому уже перевалило за сорок, а ей едва исполнилось семнадцать.

Ухаживал Кортес недолго. Рафелу не нужно было представлять, как жила эта девочка до встречи с ним, потому что он наблюдал ее жизнь день за днем, начиная с двенадцати лет, когда она покинула стены приюта. Нередко он летними вечерами, когда прогуливался по крыше дома, наблюдал за Жуаной, которая, полумертвая от усталости, лежала на топчане в своей каморке на чердаке. Столь же часто ювелир ощущал неясное волнение, исходившее от молодого тела, с которым обращались столь дурно, что оно, еще не познав радостей жизни, словно заснуло тяжелым сном. На его решение жениться на сироте повлияло не только желание иметь рядом с собой женщину. Нет, тут было и странное для него чувство, какая-то нежность к этой

девочке, никогда не знавшей родительской ласки, чье взросление происходило на его глазах, и вместе с тем стремление защитить и жажда владеть.

То, что в браке сына доставило матери огорчение, ему самому принесло выгоду: Жуана всему, что делала, отдавалась всей душой, а поскольку была очень набожной, то ходила и к ранней мессе, и на все новенны³¹, и это привлекло к нему в мастерскую новых клиентов: они предпочли Кортеса другим ювелирам, выказывавшим меньшую верность христианской вере. Шрам всегда, когда только мог, сопровождал Жуану в церковь, и то ли потому, что доброта и вера, исходящие от жены, переполнили его, то ли от того, что он чувствовал себя оставленным, раз свои отреклись от него, Кортес перестал соблюдать закон Моисея. Смерть жены всего через семь лет после свадьбы сделала его безутешным и поселила в нем ощущение собственного сиротства гораздо более сильное, чем он испытал бы, если бы умерла его мать. А та, хоть и не кривилась больше при виде невестки, в день похорон не могла сдерживать радости. Перед Жуаной старая Айна Боннин вынуждена была скрывать добродетели остальных своих детей, чтобы благочестивая прихожанка не донесла на них. А теперь она могла больше не нюхать тошнотворный запах свиного жира и не перебирать бусины четок в час молитвы Розария. Рафел же, наоборот, воспринял смерть жены как кару Господню, которого сначала не знал, как называть – Адонай или Бог-Отец, ибо оба они имели основание наложить длань свою на его грешное тело. В браке Шрам вел жизнь доброго христианина, однако временами вдруг возвращался к прежним обрядам, подстрекаемый к тому матерью и назойливым братцем: тот при любом удобном случае, во время их обычных стычек или, еще чаще, во время визитов тетушки Айны, не упускал случая напомнить о необходимости блюсти закон Моисея, поскольку на Шраме лежит двойная ответственность: во-первых, он – иудей, а во-вторых, принадлежит к колену Левиину³², от которого произошли майоркские Кортесы.

Через несколько месяцев после смерти жены, в поисках хотя бы временного утешения, Шрам вошел в исповедальню отца Феррандо – духовного наставника Жуаны – и попросил у того помощи. Священник сказал ему, что все произошедшее ясно свидетельствует о необходимости оставить свою ветхозаветную родню. Во время их длинных бесед Рафел привык без утайки рассказывать о жизни своего квартала и делал это вовсе не оттого, что желал донести на кого-нибудь, а в стремлении доверить свое глубокое горе дружественному уху, которого не мог найти среди своих. Кое-кто из родственников сочувствовал ему, затаив, однако, в глубине души радость от несчастья, постигшего Шрама, другие же даже не пытались изобразить сожаления. Что касается Дурьей Башки, то брат по обыкновению не скрывал своих чувств и бесцеремонно заявил, что смерть Жуаны – это только начало, ибо месть Адоная тяжела, а гнев силен, так что он совершенно уверен: впереди Шрама ждут худшие испытания.

Первый раз в жизни Шрам открыто восстал против брата и сказал, что, возможно, Отец наш Небесный наказал его смертью жены, чтобы отвратить от ветхой веры, а поскольку двойное служение, к которому его подстрекали Дурья Башка и мать, претило Всевышнему, то он забрал то, что было дороже всего на свете, ту единственную, с которой Кортес желал бы разделить Вечность на небесах.

Длинными ночами, бесконечно тянущимися после смерти жены, ему мнилось, что он видит ее оливковые глаза, чувствует ее завораживающий взгляд, постепенно усыпляющий, так что в конце концов Рафел проваливался в сон, чувствуя, как руки Жуаны нежно обнимают его. С течением времени осязаемое присутствие дорогой ему женщины ослабло, однако часто воспоминания, как стайка внезапно прилетевших птиц, проносились в памяти и захватывали его, словно он подсознательно искал утешения в милых сердцу картинах прошлого, которые

³¹ В католической церкви существует практика девятидневного общинного моления, обращенного к Богу или святым. Напр., «Новенна Матери Божьей» или «Новенна св. Феликсу».

³² Колена Левия, к которому принадлежал и Моисей, было избрано Богом для служения при Его Святилище (Чис. 3: 12–51). Левиты должны были внушать евреямскому народу набожность и страх Божий.

проходили перед ним медленной процессией. Нет, Шрам и помыслить не мог о повторной женитьбе. Другая женщина могла стать помехой для его католической веры, если, как настаивала мать, была бы из их квартала. Но и после смерти матери он не изменил своего решения, хотя теперь мог взять в жены христианку, как советовал отец Феррандо. Ему вполне хватало Полонии, которая делала все по дому и время от времени оказывала услуги иного рода, так что больше не было необходимости оставлять деньги, пусть и небольшие, в доме возле порта Святого Антония, как это было до женитьбы. Воспоминания о тех ушедших радостях, что он разделял некогда с Жуаной, все еще всплывали время от времени из глубин памяти во всем богатстве красок и чувств, но не побуждали его искать источник удовольствий в другом теле. Кортес предпочитал погружаться в эти сладостные ощущения в одиночку и переживал их заново, когда момент наивысшего напряжения сменялся спазмом, несущим освобождение. Однако отец Феррандо, хотя и считал, что себя следует сохранять в целомудрии, этот грех оставлял без внимания, чтобы не оттолкнуть его от истинной веры, без которой не обретишь спасения...

Итак, Шрам снова тщательно перебирал факты, как советовал ему исповедник, стараясь не упустить ни малейшей детали из прошлого, ни мельчайшего старого прегрешения Дурьей Башки, уже известного отцу Феррандо, и не увлечься воспоминаниями о Жуане, которая всегда представляла перед ним во время испытания совести, чтобы помочь и придать сил. Он боялся упустить что-нибудь важное, то, что его исповеднику представляется интересным, а ему самому – второстепенным. Поэтому он решил составить максимально подробное описание случившегося, включив в него целиком и разговор с Вальерьюлой, и сплетни старой Полонии, хотя отца Феррандо интересовало не столько произошедшее на улице – бегство и возвращение Айны Кортес и появление чужеземца, – сколько то, что случилось в доме Дурьей Башки. А об этом никто не желал говорить, поскольку ювелиру обитатели квартала не очень-то доверяли. Все отнекивались: тетушка Толстуха, выйдя из дома брата после завершения своих таинственных манипуляций, сослалась на крайнюю занятость и не захотела поболтать с Кортесом. Полония внезапно тоже онемела, опасаясь, как бы он не изложил все тому, кому это знать совсем ни к чему, и потому не желала пересказывать Кортесу то, о чем все кругом по большому секрету шептались, но в его присутствии замолкали. Очень скоро, однако, не прибегая к допросам и не задавая каверзных вопросов, Шрам получил всю необходимую ему информацию непосредственно из первых рук: его брат Рафел Кортес по прозвищу Дурья Башка явился к нему, чтобы рассказать о событиях ночи.

– Сияющий ангел с крыльями белее, чем у горлицы, с огненным мечом в длани явился мне во сне и пробудил. Я не спал, когда он говорил со мной. Архангел Рафаил³³, наш небесный покровитель³⁴, – продолжал он, доверительно понизив голос, – явился мне по приказу Адоная, как в свое время Товии³⁵, чтобы напомнить, что означает наше родовое имя: спасение Господне. Мой дух возмутился от божественного присутствия, я трепетал и, оглушенный, пал на землю, словно лист дерева, сорванный с ветки. Но он сказал: *«Не бойся, Рафел, мир тебе и с тобою! Благослови Господа из века в век, и да исполнится с родом твоим то, что обещает имя твое! Я спустился с небес, где в особых покоях служу Господу вместе с другими шестью ангелами³⁶. Семеро нас, как сказано в Библии, и сие есть свидетельство правдивое, непреложное. Явился я к тебе по велению Всевышнего, как и тогда, когда сопровождал Товию*

³³ В послебиблейской мифологии один из семи великих архангелов, «которые возносят молитвы святых и восходят пред славу святого» (Тов. 12: 12–15).

³⁴ Небесным покровителем, ходатаем перед лицом Бога за израильский народ традиционно считается архангел Михаил.

³⁵ Апокрифическая книга Товита рассказывает о том, как архангел Рафаил сопровождал и хранил в пути юношу Товию, который отправился в Мидию, чтобы излечить своего ослепшего отца.

³⁶ Иудейская мифология признает семь великих архангелов (так называемых *офаним*), которые охраняют охваченный неугасимым огнем хрустальный трон Господа.

по дороге в Рагу Мидийскую до порога дяди его Рагуэля, помог ему поймать рыбу, изгнать демонов, чтобы не окончил он жизнь так же, как семь предыдущих мужей Сарры, и сделал его мужем Сарры по мановению Господа»³⁷. – «Я знаю тебя!» – ответил я, не поднимая головы, чтобы глаза мои не ослепли от его сияния. «Не будешь в сем странствии ни пищи вкушать, ни воды, а когда взалкаешь – вкусишь еду неосязаемую и питье мистическое, каковое никто не может зреть. Чудо сие станет даром Господним тебе. По велению Всевышнего спустился я с небес, – продолжал архангел, – и вот я здесь. Сказал Господь Всемогущий: иди и говори со слугой моим Рафелом, что носит твое имя, и передай ему мое благословение, ибо своей праведной жизнью заслужил он милость в глазах Моих, ни разу не отступился от Закона Моего, был сам настойчив в вере и не дал отступить другим во времена всеобщего нечестия и противления. Над теми, кто тебе творит доброе, прострет Господь благую длань Свою. Те же, кто тебе творит нечестивое и насмехается над тобой, кто отступил от пути Яхве³⁸, как родственник твой Рафел, недостойны носить это имя, меч Господень обрушит на них всю силу свою, ибо по грехам их наказан будет весь народ. Ты – белая овца в стаде Божием и обрел милость в глазах Отца Небесного, но одна твоя жалоба возжигает гнев Его». – «Я сделал все, что было в моих силах, чтобы брат вернулся к вере наших отцов», – осмелился я прервать архангела. «Нет, ибо пока не заставишь его возвратиться на правый путь, не будет тебе утешения!» – ответил тот. – Но не только потому, что сие отступничество удручает сердце Всевышнего, а и потому, что должно исполнять Завет, который патриарх Авраам заключил с Богом от своего имени и от имени всего своего рода³⁹. Сей договор исполняли все предки твои – были ли они свободны или же пленены неверными. Без соблюдения сего Завета никто из народа Израилева не вступит в Рай»⁴⁰. – «Но, господин мой, – сказал я, – с двенадцати лет я обрезан!» – «А сыновья твои и семья твоя – нет!» – ответил он. – И грех сей падет на тебя и на род твой!⁴¹ И не для вас воссияет слава Господня!» – «Господин мой!» – отвечивал я, навниц. – Никто из семьи моей не приял сего, потому что сие есть непреложный знак верности закону Моисееву, а для христиан – доказательство в нашем упорстве. Отсутствие всего лишь малой части нашей плоти приведет нас прямо на костер». – «Господь Всемогущий проклянет на века тебя и род твой! Ибо сказал Он, что видимым знаком Его союза с народом избранным является обрезание, без коего никто не может войти в Рай». – «Но как же мне поступить?» – спросил я. – «Добавь маковый отвар в вино, что подадут к ужину в пятницу. Сыновья твои обессият, и в ночь, посвященную Господу, пока те спят, исполнишь повеление Всевышнего. Возложи в начале руки на головы их и вознеси молитву, чтобы жертва твоя была угодна в глазах Отца Небесного, который по бесконечной мудрости своей все видит».

Холодный пот тек по моему телу, и слова не шли из пересохшей глотки. А когда я снова смог говорить, ангел уже исчез, хотя комната еще была наполнена свечением... Страх перед волей Господней испарился, словно утренняя дымка под лучами солнца. Я бросился искать инструменты, необходимые для исполнения обряда, о котором говорил архангел, а остаток дня провел в молитвах. Сон моих сыновей обычно глубок. Со всем тщанием я убедился, что ни один из них ничего не чувствует, и вонзил нож в их плоть, как приказал Господь. Они

³⁷ По указанию Рафаила в водах реки Тигр Товия поймал огромную рыбу, желчь которой избавила его отца от слепоты, а сердце и печень изгнали из Сарры демона, который одного за другим погубил семь ее мужей.

³⁸ В иудаизме – имя Бога, которое он открыл Моисею на горе Синай и которое запрещено произносить вслух.

³⁹ Бог дал Аврааму обетование, что тот станет «отцом множества народов», при условии: «Ты же соблюди завет Мой, ты и потомки твои после тебя в роды их» (Быт. 17: 4–9).

⁴⁰ Раем в иудейской традиции называют ту часть царства умерших, где души праведников ожидают воскресения. Там Авраам встречает всех своих истинных детей, чтобы утешить их. Если человек не соблюдает Завет, то после смерти его душа не может попасть на «лоно Авраамово» (Лк. 16: 22–26).

⁴¹ В знак союза между Богом и Авраамом каждый иудей должен пройти обряд обрезания: «Да будет у вас обрезан весь мужской пол: и сие будет знамение завета между Мною и вами», а «Который не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего» (Быт. 17: 14). Этот союз называют также «Заветом обрезания».

же, думая, что разбужены ночным кошмаром, пробудились от боли, но не кричали. Зная, что делаю Божье дело и что длань Господня руководит мной, я вошел в комнату шурина, чтобы и над ним свершилось повеление Всевышнего. Я начал обряд, когда внезапно услышал подозрительный шум в комнате дочери. «Сперва завершу то, что должен, – сказал я себе, – а затем займусь остальным». Онофре спал, испуская ветры. То ли потому, что миазмы его тела вызвали у меня тошноту, то ли потому, что я торопился все закончить, но рука моя дрогнула, и нож вонзился шурина в бедро. Дрожая от боли, он проснулся и отшатнулся от меня. Рывком упал я на кровать, зажал его ноги, раздвинул колени и закончил обряд.

Когда я вошел в комнату дочери, то гнев ослепил меня: там в расстегнутых иштанах стоял полуголый Жули Рамис. Айна, полуживая от испуга, не знала, куда от меня спрятаться. Я не стал слушать ни объяснений мерзавца, ни пустых обещаний жениться, которые он готов был дать, только бы вырваться на свободу. Я бросился к нему с ножом, но не для того, чтобы и он вошел в народ избранный, заключивший Завет с Господом, а дабы навсегда превратить этого жеребца в мерина. Но поскольку Айна, вкочхуца, словно несущика, рванулась защищать любовника, она получила несколько ударов клинком в грудь. Остальное ты знаешь. Я пришел к тебе, поскольку думаю, что дни мои сочтены, и меня это радует: Господь-Вседержитель милостив ко мне, и потому я не увижу позора дочери. Однако я не хотел умереть, не рассказав тебе о Посланнике Божием и о словах его о тебе. Теперь ты знаешь, в чем твое спасение.

– Перестань угрожать мне! – прервал его Шрам. – Если же ты и дальше будешь петь свою песню, я повторю ее отцу Феррандо – и как бы перед смертью тебе не пришлось познакомиться с инквизицией!

Казалось, Дурья Башка не слышал его. Он не обратил никакого внимания на слова Шрама, только все повторял, словно в бреду: «Клянусь, архангел Рафаил говорил именно так!» Гневная вспышка ювелира объяснялась тем ужасом, который пережил он во время рассказа брата, поскольку подозревал, что этот святоша с тем же усердием, что и в своем семействе, готов приняться за обрезание его самого. Шрам же, хоть и был моложе и сильнее, не имел под рукой никакого оружия, чтобы защититься, если сумасшедший братец кинется на него с ножом, острие которого проткнуло ткань кармана и торчало наружу. Однако ничего подобного не случилось. Рафел Кортес ограничился рассказом, после чего, пропустив мимо ушей угрозы ювелира донести на него отцу Феррандо, распрощался с непривычной для него вежливостью, предварительно поблагодарив за внимание к своему повествованию и уверив, что он один видел чудо явления ангела и слышал его предостережения. А потому посчитал своим долгом довести все до ушей брата, поскольку собственные сыновья не желают ничего знать о божественном вмешательстве, которое заставило свершить с ними то, что по собственной воле они никогда бы не сделали.

Мучимый бессонницей, Шрам перебирал все, что теперь знал точно, а его исповедник – лишь отчасти. Он не понимал, как это изложить на бумаге и нужно ли рассказывать обо всем; придерживаться ли рассказа брата или ограничиться собственным кратким пересказом тех событий, о которых услышал из первых уст; следует ли сосредоточиться лишь на главных фактах, касающихся Дурьей Башки и Аины, а историю с насильственным обрезанием во имя союза с Яхве сыновей и придурковатого Онофре опустить (все равно ведь постороннему человеку ее не понять). Если отец Феррандо получит в свои руки такой изобличающий документ, можно быть уверенным – расплачиваться за сумасшествие брата придется всему кварталу. Кортес не зря пригрозил брату. С другой стороны, Жули Рамис уж точно не молчал. Теперь о ночном происшествии в доме Кортеса наверняка знают все – от инквизитора до наместника короля. «Расплата придет не из-за моего свидетельства... Есть еще рассказ моряка...» Однако Дурья Башка – не зря же, памятуя о его сумасшествии, брату дали такое прозвище – увлекся ролью оскорбленного отца и направил свой гнев на все семейство. Но если считать, что все произо-

шло именно так, то почему обитатели квартала столь тщательно скрывали от Шрама подробности случившегося? Если брат ночью всего лишь восстанавливал справедливость и боролся за честь дочери, то что будет, если скрыть последствия его поведения? Нет, Шрам был уверен: причины ночного переполоха именно те, о которых ему рассказал сумасшедший родственник, хотя в явление ангела Кортес не поверил ни секунды. У ангелов Господних есть заботы поважнее, чем спускаться на землю и вести беседы с Дурьей Башкой. Что до угроз архангела, то они, понятное дело, на сей раз ничем не отличались от слышанных Шрамом ранее. Только на этот раз дело ограничилось лишь теологическими вопросами и речь не зашла об отсрочке долга, как это обычно бывало, когда брат понимал, что не может вернуть пятьдесят майоркских унций, не считая, конечно, процентов. На те деньги, что Кортес ему одолжил, Дурья Башка собирался купить партию льна, чтобы его сыновья научились ткать, освоив таким образом профессию, которую их отец знал с юности, но оставил после женитьбы, ибо унаследовал от тестя торговлю старой одеждой. Но на самом деле драгоценные унции должны были пойти на более выгодное, но совершенно секретное дело: бегство с Майорки. Поэтому старший сын был отправлен в Феррару и получил задание: под предлогом покупки партии льна разведать возможность переселиться туда всей семьей, однако, так как оказался негодным семенем, остался там насовсем, забыв вернуть отцу деньги.

Вот и теперь, как и при каждой их встрече, беседа закончилась спором о сроках уплаты долга. Шрам – с большим пылом, чем обычно – хорохорился перед смиренно выслушивающим упреки двоюродным братом, грозил и взывал к авторитету Габриела Вальса, который как мировой судья решал все спорные вопросы и вершил правосудие в квартале, так что обитателям Сежеля практически никогда не приходилось обращаться в официальный суд с его басурманскими законами. Габриел Вальс (в этом Шрам был твердо уверен) признает разумность его выводов, потому что они и в самом деле таковы. Дурья Башка обязался вернуть долг в течение пяти лет, но прошло уже целых шесть, а не выплачено еще больше трети. *Разве он виноват, что Онофре не вернулся? Или он ответственен за все несчастья брата? За бесчестье его дочери и скудоумие шурина? Однако стоит ли упоминать все эти обстоятельства в записке для отца Феррандо, если учесть, что почтенный исповедник и так подозревает, что его объяснения насчет родственника продиктованы мстью, а это чувство не способствует точности изложения фактов или, по крайней мере, полноте рассказа. Что же касается инквизиции, то ее вмешательство в жизнь Дурьей Башки принесло бы Шраму одни убытки: когда конфискуют добро еретиков, их долги кредиторам не возвращают.*

Поэтому Шрам, у которого уже давно не спирало дыхания от маслянистого запаха горящего ладана, зато мутило от пропитавшего его дом прогорклого духа, этим утром не пошел в церковь, а остался размышлять: не лучше ли сперва сходить к Габриелу Вальсу, а уж потом отправляться к отцу-иезуиту, поскольку, коли святейшая инквизиция возьмется за двоюродного брата, можно быть совершенно уверенным, что одолженных денег Шрам больше никогда не увидит. Но не приходилось сомневаться и в том, что, как отец Феррандо вполне откровенно намекнул, желание наместника короля заказать ему дароносицу для монастыря кларисок⁴² будет напрямую зависеть от твердости христианских убеждений ювелира, каковые он должен продемонстрировать в доносе. Получить этот заказ было величайшей мечтой его жизни. Покойная Жуана страстно желала, чтобы руки ее мужа сотворили кружево из золота и серебра, внутри которого Господь наш Бог будет являть себя верным Ему. Кроме того, самому ему казалось, что когда перед его дароносицей будут преклонять колени священники и монахи, отцы-инквизиторы и епископы, знать и богатые горожане, набожные прихожане и прочий народ Божий, то поклоняться все они будут не только Телу Христову, но и роскошному сосуду, в котором оно выставляется, тому вместилищу, что защищало Его и которое он, бедный ювелир

⁴² Женский католический монашеский орден, основанный ученицей Франциска Ассизского св. Кларой в XIII веке.

из еврейского квартала, с гордостью сотворил, дабы священная гостия сияла в нем во всем своем величии. Имелся у Шрама и эскиз, чтобы продемонстрировать изящную филигрань своей будущей работы. Стекланный шар с гостией должны украшать роскошные солнечные лучи, похожие на золотые наконечники стрел, как это сделано на дароносице кафедрального собора, которую все ювелиры Майорки считают образцом для подражания. Но на его изделия лучи-стрелы будут дополнены двумя звездами – из золота и серебра. Звездой Давида и звездой Волхвов, спустившимися с небес, дабы осиять своим светом Тело Христово в знак смиренного поклонения перед Иисусом. В основание дароносицы Кортес решил вставить брильянты чистой воды, которые давным-давно купил у одного антверпенского купца и, дожидаясь совершенно особого случая, берег как самое ценное свое сокровище. Огранка их столь хороша, что всего один лучик света рождает в них великолепное, ослепительное сияние. Эта дароносица может стать трудом всей его жизни и не даст его имени умереть вместе с ним, а ведь он уже слишком стар, чтобы думать о продолжении рода. Страстное желание сделать ее заставляло ювелира частенько мечтать, что наместник короля поручит эту работу именно ему, а не какому-нибудь другому городскому мастеру. И Шрам пришел к выводу, что только умерший уже Пере Вальс, сделавший дароносицу для церкви Святого Михаила, да после его смерти Николау Боннин были способны исполнить такой заказ. Боннин, однако, имел явно меньше шансов, поскольку не был человеком строгих правил, и потому отец Феррандо не считал его добрым христианином, чего не скажешь о Кортесе. Особенно если он завтра принесет бумагу, в которой изложит все, что знает.

III

Рафел Кортес по прозвищу Шрам поставил подпись под своим доносом ровно в тот момент, когда ночная темнота начала бледнеть и уступать место неяркому рассвету. Совершенно обессиленный, ювелир не стал перечитывать написанное и упал на кровать прямо как был – в одежде. Он лишь ослабил пояс на штанах да расстегнул пуговицы куртки, чтобы дать телу немного передохнуть, прежде чем утренний свет и – особенно – суета Полонии на кухне оборвут короткий отдых. Но сон не шел: усталость и напряжение, в котором Кортес находился столько времени, не позволяли расслабиться и будоражили, вместо того чтобы насладиться дремоту. Даже попытка вызвать в памяти приятные воспоминания оказалась бесполезной. Поняв, что уснуть не удастся, Шрам решил встать – благо, уже рассвело. Он умылся в тазике, приготовленной служанкой, сбрил тронутую сединой щетину, причесал редкие волосы и переоделся в чистую одежду. Потом сложил бумагу вчетверо и убрал в карман штанов. Но документ был слишком велик и оттого сильно оттопыривал брючину, поэтому ювелир решил, что надежнее будет спрятать его на груди под курткой, сшитой еще покойной Жуаной. Накинув на плечи плащ и взяв шляпу, он попрощался с Полонией, сказав, что идет к утренней мессе, а потом – поскольку день обещает быть погожим – пройдет до Рыбы: может и встретит кого-нибудь знакомого.

Улицы города, в этот час обычно уже полные народа – с наступлением тепла все шляпники, сапожники, портные, канатчики и прочие ремесленники оставляли темные мастерские и устраивались работать у дверей, на солнце, – в воскресный день были пусты. Не было видно и нищих, что спали под открытым небом, а по утрам бормотали молитвы и гнусаво перечисляли свои бесчисленные несчастья, поджидая добропорядочных христиан, спешащих в церковь. Кортес, который терпеть их не мог, был рад, что никто не попался на его пути. Грохот колес телеги вдалеке, в порту, внезапно нарушил воскресную тишину утра и вспугнул голубей, сидевших на стене сада, вдоль которого шел ювелир. Их легкие силуэты прочертили небо над раскидистой монастырской пальмой. Каждый раз, когда Шрам проходил мимо нее, то невольно

вспоминал высокий готический потолок Биржи⁴³. Он завидовал строителю здания и стремился если не посостязаться с ним, когда будет создавать дароносицу, то по крайней мере запомниться людям, как он сам помнил о Сагрере⁴⁴ благодаря его творению. Отец Феррандо отчитал бы его, если б узнал, как страстно мечтает ювелир о посмертном признании. Исповедник уже предупреждал, что добрый христианин должен беспокоиться не о мирских суждениях, а о небесном суде, в Царство же Божие, говорил монах, ведут лишения и жертвы, а не земная слава. Однако это не мешало иезуиту подогревать жадный интерес Кортеса к дароносице, которая должна была стать пышным плодом набожности обращенного иудея.

Погрузившись в свои заветные мечты, Шрам в полудреме неторопливо шел к Монтисиону⁴⁵, не обращая внимания на редких прохожих, встречавшихся на его пути. Сонную тишину улицы нарушил лишь перезвон церковных колоколов, во весь голос начавших возвещать о радости наступившего дня. До утренней восьмичасовой мессы еще оставалось немного времени – на нее-то Кортес и собирался, тут он Полонии не соврал, – а потом он чуть-чуть прогуляется, и ровно в десять встреча с отцом Феррандо. Может, Рафел заглянет в монастырскую приемную или, лучше всего, встретит его в саду, чтобы отдать бумаги без свидетелей. Мысленно возвратившись к доносу на брата, Шрам вновь сказал себе, что наушничает не по склонности к предательству, а выполняя свой долг доброго христианина. Ювелир так глубоко ушел в размышления, что не заметил Габриела Вальса, пока не налетел на него. Не обратив внимания на пристальный взгляд его холодных ярко-синих глаз, так разительно отличавшихся от блекло-голубых покорных и трусливых глаз большинства обитателей квартала, он снял шляпу, в то время как Вальс лишь поднес руку к полям своей. Оба остановились, и Кортес с видимым удовольствием начал разговор первым. Для начала – беседы о погоде, которая установилась в эту первую неделю июня и столь хороша, а вот в прошлом году было не так из-за сильных ветров – помните, как они вырывали деревья с корнем, обсыпали урожай фруктов, повредили стены и крыши домов... То, что Шрам случайно встретил Габриела Вальса по дороге в церковь, не только не помешает исполнить обязанности набожного прихожанина, но и является добрым знаком, поскольку он хотел повидаться со старейшиной, но не решался зайти к нему домой – после той истории с капитаном Гарцем их отношения испортились. Вальс молча слушал болтовню ювелира. Наконец тот выпалил, что хотел бы проконсультироваться у достопочтенного Габриела по поводу долга двоюродного брата, который все больше сходит с ума. Вальс ответил, что и сам хотел бы поговорить о Дурьей Башке, потому и отправился к Кортесу, а Полония, считавшая ворон возле дверей дома, подсказала, где его искать.

– Я приглашаю тебя на обед, – сказал Вальс, продолжая пристально смотреть на него, словно оценивая впечатление, которое эти слова произведут на Кортеса, – там будут мои сыновья, Консул, Понс, торговец Серра, Жузеп Валлериола и Пере Онофре Агило – он в городе проездом и расскажет нам кое-что интересное. Пиршество тебе понравится.

Шрам не знал, как выпутаться из щекотливой ситуации: сказать собеседнику, что у него назначена встреча с исповедником, он не мог, как и придумать убедительную причину, чтобы отклонить любезное приглашение, потому что Вальс мог что-то заподозрить. К тому же Рафел боялся, что, коли отложит разговор о долге брата на другой раз, старейшина не будет к нему так благосклонен. Нет, такой счастливый случай, буквально свалившийся с неба, упускать никак нельзя. Плохо только, что не будет возможности предупредить отца Феррандо о непредвиденных обстоятельствах, если Вальс не оставит его одного. Сказать, что идешь ранним утром поболтать с отцом-иезуитом, значит подтвердить ненужные подозрения на свой счет. Особенно

⁴³ Высота потолка в здании Биржи – 16 метров, он опирается на 6 колонн, заканчивающихся нервюрами в виде пальмовых ветвей.

⁴⁴ Здание Биржи, считающееся одним из самых красивых гражданских архитектурных сооружений средиземноморской готики, было построено по проекту Гильермо Сагрера между 1426 и 1448 годами.

⁴⁵ Монастырь ордена иезуитов с одноименной церковью, построенный в 1571–1683 годах.

если Дурья Башка уже успел переговорить с Габриелом. *«Я не могу отказаться от приглашения. Отец Феррандо доверяет мне и уже доказал это. Как только я расскажу ему, что произошло, он все поймет. Кроме того, приглашение к Вальсу наверняка позволит узнать что-нибудь такое, на что я и надеяться не могу».*

Габриел Вальс никогда не приглашал ювелира к себе в сад, хотя на обедах и ужинах, которые он там устраивал, побывал едва ли не весь квартал. А отец Феррандо однажды во время исповеди обронил, что, как ему рассказал кое-кто из инквизиции, там подозревают, что на этих сборищах обсуждают вопросы иудейской веры и обучают молодежь закону Моисееву. Теперь же у Шрама появлялась возможность точно все разузнать. Все знают, что Вальс Мажор купил этот сад пару лет тому назад, когда торговля стала приносить ему прибыль, и в качестве арендаторов этой земли он хотел видеть кого-нибудь из своего рода. Но найти семейную пару, согласную возделывать огород с садом, было не так-то просто. На предложение Габриела откликнулись Пеп Помар и его жена Микела Фустер, оба родом из Порререс. У тетушки Микелы на растения была легкая рука, а цветы, посаженные ею, вызывали всеобщую зависть. Ее розы были мясисты, их бутоны распускались внезапно и источали сладкий, дурманящий аромат, наполнявший всю округу, так что казалось, этот благоуханный воздух оказывает исцеляющее воздействие на людей, утишая склоки и смягчая разногласия. Среди этих райских ароматов, в восхитительной тени виноградной лозы Габриел Вальс накрывал в праздничные дни стол для гостей, которые наслаждались обильным угощением и тихим очарованием этого места. За трапезу садились не только члены семьи и их друзья, но те, кого приглашали особо: путешественники, захавшие на Майорку, городские торговцы-христиане, которые вели дела с обитателями квартала, так что совершенно напрасно злые языки утверждали, что это сугубо еврейские сборища.

Шрам тут же решил, что дожидаться встречи с отцом Феррандо – значит упустить те выгоды, которые сулит приглашение Вальса, и проворонить счастливый случай. Он так много слышал об этих застольях, что его разбирало любопытство самому посмотреть, так ли свежи и хороши овощи тетушки Микелы, как все говорят, и желание понежиться в ажурной тени винограда, которой был столь горд хозяин сада.

Во время мессы, сидя возле Вальса, Кортес внимательно следил за ним. Ему показалось, что тот мыслями был далеко от происходящего в церкви, лишь по необходимости изображая внимание. После окончания церемонии, чтобы все могли видеть, что Шрам пришел вместе с Вальсом, он придержал шаг, пропустил торговца вперед и предложил ему святую воду, как это делали обычно менее знатные горожане по отношению к стоящим выше их в обществе или юнцы перед людьми старше их. Габриел Вальс был почти на двадцать лет старше ювелира и пользовался в их квартале большим уважением. Его репутация человека справедливого, сведущего во многих областях вышла далеко за пределы улицы Сежелль, а когда многие новообращенные христиане после 1435 года оставили квартал, знатные люди со всего города нередко искали встреч с Вальсом, чтобы предложить ему торговые сделки или занять у него денег.

Когда они вышли из церкви, Шрам решил, перед тем как отправиться в сад, вернуться на улицу Сежелль, дабы предупредить Полонию, что не будет обедать дома, а уж затем, с плащом в руках – поскольку солнце начало пригревать, – идти к Порт де Сант-Антони.

– Твой двоюродный брат Дурья Башка послал за мной, чтобы предупредить, будто ты собрался донести на него в инквизицию, – внезапно сказал Вальс.

Рафел Кортес залился краской. Он попытался скрыть досаду, душившую его, и, надеясь, что голос не выдаст, заверил торговца, что если и угрожал брату, то только для того, чтобы тот оставил свои уловки и не досаждал ему бредом о чудесных явлениях архангелов. Вальс, однако, будто не слыша оправданий Шрама, продолжал спокойным и внушительным тоном:

– Я бы не советовал тебе делать это. Если ты донесешь, то уже никогда не получишь с него своих денег, потому что против него точно начнут процесс, будь уверен... Долг растет,

я знаю. Но брат приложит все силы и заплатит тебе в течение ближайших месяцев, хотя бы часть... Что же касается остальных денег, то я стану его поручителем и верну все за три года. Думаю, ты должен быть доволен таким раскладом... и мы договоримся...

Прежде чем ответить, Рафел Кортес по прозвищу Шрам инстинктивно положил руку на грудь, чтобы удостовериться в целостности и сохранности бумаги, для которой защитой служило его собственное тело, словно он боялся, что одежда станет вдруг прозрачной и донос представит перед обвиняющим взором Вальса.

– Думается, что такой исход меня устроит, – сказал Шрам, пытаясь скрыть замешательство. – Мы все знаем вас как человека слова. Наиболее достойного из нас, – добавил он, желая польстить. – Я рад, что именно вы выступаете посредником в этом деле. И сам хотел просить вас об этом. Дурья Башка спятил, но вас послушает в любом состоянии.

– Не во всем, к сожалению. Я никогда бы не посоветовал ему делать то, что он сотворил. Кроме вреда, причиненного семье, твой брат еще и выставил все напоказ. И можно не сомневаться, что Жули Рамис уже все доложил канонику Аморосу. А это значит, что мы в большей опасности, чем когда бы то ни было... У Дурьей Башки был очередной приступ безумия, если хочешь знать мое мнение. Ты упоминал явление ангела. Ангелы никогда не избирают сумасшедших для общения – ни среди евреев, ни среди христиан. Я хорошо изучил Библию. Следует учесть и то, что Дурья Башка стар и болен. Ангел – безусловно плод его больного воображения. Явление Рафаила – чистая выдумка, это совершенно ясно, никто в него и не верит. Не следует придавать значение этой истории, а ты можешь сделать так, что последствия будут очень серьезными. Мальчики залечат свои раны. Айны в городе нет. Я сам позаботился об этом. Люди алгутзира хотели допросить ее, чтобы узнать, правду ли рассказал моряк, которого они задержали, тот добрый самаритянин, что принес ее домой. Как я узнал от Изабел Фустеры, ты ведь интересовался им, правда?..

Шрам клюнул на наживку, которую ему бросил Вальс, стараясь отвести беседу от кровопролития, устроенного Дурьей Башкой, – самого щекотливого пункта в его доносе, о котором собеседник, кажется, догадывался.

– Я случайно видел, как моряк принес раненую Айну домой... А Изабел Фустеру я расспрашивал, чтобы выяснить, отчего она отказала в помощи истекающей кровью девушке... мне думается, это серьезный проступок.

– Должно быть, у нее были на то причины.

– Она сказала, что чужеземец был другом капитана Гарца, и этого достаточно, чтобы не иметь с ним никаких отношений.

Внезапно слова Кортеса перенесли Вальса – будто он галопом проскакал верхом на волшебной лошади – на четыре года назад, в ночь начала июня, которую торговец тщательно запрятал в самый дальний уголок памяти, поскольку и представить себе не мог, с каким удовольствием нащупает ребра капитана, проламывая их с силой, удивившей и более молодого Консула, и его сына Микела, обладавшего поистине бычьей силой. Вспомнил, как они бесшумно навалились на него сверху, не позволяя сбежать или позвать на помощь. Они били сильно, так сильно, что, когда остановились – поскольку все же не хотели отправить Гарца на тот свет, – тот превратился в окровавленный мешок костей, способный перепугать привидение. Вспомнил, что, пока месил тело негодяя кулаками, не давая ему возможности защититься, не чувствовал, вопреки ожиданиям, ни страха, ни отвращения, ни, тем более, сожаления, а только лишь злость, глухую ярость, но не от того, что лупил по лежащему, а потому что ярость делала его кулаки железными, наделяла их такой сокрушительной силой, о которой он даже не догадывался. Вспомнил, как еще долго это чувство беспокоило душу, поскольку позволило увидеть, что он – человек мирный, скорее даже пассивный и вовсе не воинственный – тоже наделен инстинктом насилия и, словно волк, временами жаждет крови.

Шрам тоже думал о капитане Гарце. Тот несколько раз привозил ему брильянты, а в последнюю их встречу показывал некое кольцо с очень подозрительными инициалами. Но ювелир не захотел связываться с моряком и отослал его к Боннину, не предупредив, однако, об опасности ни Вальса, ни кого-нибудь еще из своих. Кортес рассказал об инциденте только на исповеди.

Проходя мимо церкви Утешения Богоматери, они встретили местного летописца Анжелата, его брата Приама, только что закончившего петь мессу, и нотариуса Сельереса. Шрам из угодливости поприветствовал их, но ответил ему только Анжелат. Певчий отвернулся, чтобы не здороваться, а нотариус лишь усмехнулся.

– Они делают хуже самим себе, – сказал Вальс, не удостоив их внимания, но достаточно громко, чтобы его было хорошо слышно. – Достоинство украшает человека более, чем его происхождение.

– Не стоит принимать это близко к сердцу. Должно быть, они сегодня встали не с той ноги, – ответил Шрам. – Раньше они всегда со мной здоровались.

– Грядут плохие времена, – прибавил Вальс.

– Откуда ты знаешь?

– Чую. Адонай одарил нас длинными носами не просто так...

В саду, из-за стен которого были видны лишь верхушки самых высоких апельсиновых деревьев, гостей ждали жена Вальса Мария Агило и сыновья – Микел, старший, оказавшийся в эти дни на острове случайно, поскольку, выправив необходимые документы, переехал жить в Алакант⁴⁶ и открыл там торговлю старой одеждой, и Рафел Онофре, младше брата на пятнадцать лет. Шрама, чье появление на обеде было неожиданным, они поприветствовали так, словно давно его ждали у себя и очень рады встрече. Мария Агило подала ему кружку с холодной водой, которую служанка только что набрала из колодца. Ювелир с наслаждением выпил воду и устроился в тени. Издали доносился скрип колеса водокачки, которое крутил мул, плеск воды и мерные удары мотыги огородника о землю. «Он даже и не скрывает, что здесь работают по воскресеньям», – подумал Рафел, удивленный тем спокойствием, с которым рядом с гостями трудились работники Вальса.

– Удачно, что на нашем участке есть вода. И мы можем жить по старым правилам, качая ее по воскресеньям, – сказала Мария Агило, словно бы прочитав мысли ювелира. – Так делают и в курии...

Мария Агило говорила в нос, а губы поджимала в куриную гузку, чтобы не было видно дыр от выпавших зубов. Несмотря на свои сорок лет, она все еще заботилась о своей внешности, одевалась в шелк, не обращая внимания на запреты, а пальцы унизывала кольцами⁴⁷. Гостеприимным жестом правой руки, сверкающей жемчугом и рубинами, жена торговца предложила Кортесу устроиться на скамье, где уже сидела она сама и ее мать, Катерина Боннин.

– Кажется, вы здесь всех знаете, – сказал Габриел Вальс, оглядев гостей, прибывших раньше Шрама. – Тут все свои, – прибавил он, направляясь прямо к ювелиру. – Вы, наверное, не очень хорошо знакомы с Понсом, нашим шорником, – и хозяин посмотрел на старика, который скалил в улыбке беззубые десны арбузного цвета, – а также с Жорди Серра. Оба они – наши хорошие друзья.

«Друзья, друзья», – монотонно повторила Катерина Боннин, словно литанию⁴⁸ читала. Никто не обращал внимания на ее бормотание, а она все повторяла и повторяла одно и то

⁴⁶ Город в Валенсии.

⁴⁷ В 1412 году был принят особый документ (так называемый статут Вальядолида), который регламентировал положение евреев в Испании. Что касается одежды, то этому вопросу посвящались три статьи статута: одежда евреев должна быть скромной, сшитой из грубой ткани и на ней должен быть пришит хорошо видимый отличительный знак.

⁴⁸ Молитва, в которой чередуются призывания Бога и святых с повторяющимися прошениями молящихся.

же, пока другие слова, так же случайно выхваченные из общего разговора, не заставляли старуху сменить песню. Катерина Боннин столь своеобразно участвовала в семейных тертулиях⁴⁹, когда хорошо себя чувствовала. Время от времени, однако, ее приходилось запирать в самой дальней комнате дома, поскольку она делалась буйной, кричала и билась в стены, уверяя, что ее преследуют ведьмы, дабы унести с собой, словно сухой лист.

В тени виноградной лозы палящие лучи полуденного солнца смягчались и нежно падали на лица собравшихся. Длинный стол был накрыт белоснежной льняной скатертью, на которой Марианна, старшая дочь Пепа Помара, расставляла блюда с острыми маринованными зелеными и маслянистыми черными оливками и графины с белым вином из виноградников Бинисалема, доставшихся Вальсу в наследство от его брата Пере.

– Отрежьте хлеб, – сказала девушка, прислуживающая за столом, – или, если вам больше по вкусу, – пирог. Он испечен на нашей кухне, – прибавила она, поскольку никто еще не сделал выбор, – с чистыми руками и с открытым сердцем.

– О, у него, должно быть, вкус хорошего оливкового масла, – ответил Понс с лукавой усмешкой.

– А вы отведайте кусочек, так узнаете! – предложила девушка, которая не поняла, на что намекает шорник⁵⁰.

Аромат роз мешался с запахом базилика, в изобилии росшего в больших глиняных горшках, расставленных возле скамеек, на которых они сидели. Зелень, радующая глаз, тихий плеск воды в оросительных канавках елеем проливались в душу Шрама, даря покой, которого ему так не хватало, чтобы все взвесить и определить, о чем из увиденного и услышанного нужно рассказать отцу Феррандо, а о чем можно без особого греха умолчать. Ювелиру хотелось бы ничего не упустить, но до сих пор хозяев можно было упрекнуть лишь за поливку огорода в воскресный день – а это *peccata minuta*⁵¹, да и, по словам Марии Агило, подобным же образом поступали монахи из курии. Гораздо более серьезным прегрешением было, например, то, что делали в монастыре Святой Маргариты: они перекрывали тряпьем оросительный канал и пользовались водой, которая им не принадлежит... Тут же и сказать нечего против сородичей, которые спокойно поливают огород, чтобы отдохнуть с друзьями в воскресенье. Высказывание Понса о том, что пироги у Вальса делают на оливковом масле, а не на нутряном жире, было той шуткой, которую нелепо принимать всерьез, да и касалась она больше семейства Пепа Помара. Ее можно упомянуть лишь в том случае, если ничего более серьезного здесь не произойдет. Как же ему не хотелось вновь переживать мучения прошедшей ночи, когда он скрупулезно перебирал в памяти деталь за деталью, отбирая то, что может быть интересно исповеднику! Кортес так глубоко погрузился в размышления, что совершенно забыл о своем намерении участвовать в общем разговоре. Этого, впрочем, никто не заметил, поскольку как раз вошли Консул с сыновьями Жозепом и Матеу – единственные гости, которых все ждали.

Жозеп Таронжи по прозвищу Консул, потому что много лет назад он был послан в Англии, поприветствовал собравшихся и обнял Пере Онофре Агило, с которым дружил задолго до того, как тот выхлопотал себе разрешение и покинул Майорку⁵², чтобы представлять интересы торговцев и владетельных сеньоров острова в экспорте оливкового масла и импорте льняного полотна. Негоциант буквально несколько часов назад приехал в Пальму и очень скоро должен был покинуть ее, чтобы участвовать в заключении очень выгодного договора между

⁴⁹ Так на территории Испании называют дружескую беседу, собрание близких по духу людей.

⁵⁰ Евреям ставили в вину даже их традиционную кухню. Священник Андрее Бернальдес, капеллан одного из великих инквизиторов, так писал об этом в своей знаменитой хронике: «...они никогда не отказывались от привычки к особой еврейской пище, приготовляя свои мясные блюда с луком и чесноком и обжаривая все это в растительном масле, которым они пользовались вместо жира, чтобы не есть сало; сочетание масла и мяса придает дыханию очень плохой запах».

⁵¹ Незначительный грех (*лат.*).

⁵² Согласно статуту Вальядолида, среди прочего, евреям запрещалось самовольно менять место жительства.

портовыми властями города и Ливорно, поскольку у него был там дом, где жили жена и дети, а сам он пользовался всеобщим уважением.

Присутствие Консула развязало язык Агило, который, пока ждал приятеля, почти не открывал рта. Сейчас же он пустился в рассказы о своих приключениях, и особенно о последних чудесах, свидетелем которых был. Пока все лакомились черными оливками, он поведал, как в порту Генуи – дальше последовало описание точного места, где все происходило, – в часовне Святого Эльма один монах-проповедник воскресил на глазах присутствовавших человека, который всего за час до этого упал, словно громом пораженный, а изо рта у него пошла пена. Все это случилось с ним, когда он обвинил святого отца в том, что реликвии, при помощи которых тот исцеляет страждущих, – фальшивые. Якобы это вовсе не частицы мощей святого Луки, а украденные с кладбища кости какого-то несчастного бедняка, чью могилу разрыли, чтобы облапошивать добрых христиан. Монах вознес краткую молитву, прося Бога простить эту заблудшую душу за ложь, потом возложил на голову упавшего берцовую кость святого – и тот чудесным образом воскрес. Спасенный со слезами на глазах подтвердил, что слова его были злобным наветом, и вознес Господу хвалы вместе с остальными прихожанами, которые щедро наполнили деньгами суму отца-проповедника, не перестававшего благодарить Отца Небесного.

Только Консул, выслушав эту историю Пере Онофре, заметил, что оба мошенника – и монах, и воскрешенный – явно состоят в сговоре. А Габриел Вальс добавил, что священников и монахов, которые торгуют фальшивыми чудесами, немало оттого, что слишком много на свете легковых простофиль.

Все сели за стол, но эскуделья Агило остывала, а он так и не опустил в нее ложку. Он рассказывал, что в Марселе был знаком с одним капитаном пиратов, у которого была мартышка, прислуживавшая ему лучше всякого раба. А еще у этого капитана (по всем признакам, фламандца) был слуга, который одним только криком, словно прицельным выстрелом из лука, разбивал стекло на мелкие осколки. Однако удивительные способности, данные ему от рождения, по непонятным причинам не исчерпывались мощным голосом: он еще мог сгибать столовые приборы из серебра одной лишь силой взгляда. А между вторым блюдом и десертом Пере Онофре поведал, что знал одного человека, который умел летать. Так вот, тот скопил у себя дома целую гору перьев – вроде как для набивки тюфяков, чтобы никто ничего не заподозрил. Ему уже осталось всего ничего до осуществления задуманного, поскольку после наблюдений за полетом птиц – от голубей до стервятников и орлов – он рассчитал соотношение веса тела к длине оперения и стал подбирать клей и ремни, чтобы прикрепить к рукам искусственные крылья.

История о летающем человеке больше всего заинтересовала собравшихся: все начали задавать вопросы и выпытывать подробности. Больше всех в этом деле разбирался Консул, поскольку читал книгу, изданную в Лондоне неким Франсеском Голдвином, в которой описывались приключения одного типа из Севильи по имени Доминго Гонсалес, который летал на Луну.

– Но сделал он это иначе, чем твой приятель, – очень серьезно сказал Консул. – Не брал он и орлиных крыльев, как об этом писали древние. Гонсалес использовал плетеную из ковьля корзину, к ней веревками привязал двадцать пять дрессированных гусей, которые выдерживали его вес и могли лететь куда угодно.

– Все это либо плутовство, либо – козни дьявола! – оборвал его шорник Понс.

Но Консул, не обратив внимания на это высказывание, продолжал уверять, что читал об этом собственными глазами и может показать книгу.

– Ты, конечно, ничего не поймешь – ведь она написана по-английски, – прибавил Консул, – но я могу перевести ее тебе.

– А... Теперь все понятно, – сказал Понс. – Ты сам не слишком силен в английском и наверняка что-нибудь не так понял.

– Ну и как, добрался этот Домингес до Луны? – спросил Микел Вальс, который был заинтригован этой историей и совершенно не заметил скепсиса шорника.

– Конечно! И обнаружил там совершенно другой, чудесный мир, много лучше нашего. Селениты – так называют себя обитатели этого светила – выше и сильнее нас. И гораздо, гораздо лучше. Они никогда не лгут, а наибольшей их добродетелью является верность. Никогда там брат не предаст брата, а друг – друга. Когда рождается ребенок, то селениты по его внешности сразу знают, будет ли он добродетельным, и если видят, что он склонен ко злу, то тайно отправляют дитя на Землю и обменивают на одного из нас...

– Ты хочешь сказать, Консул, что веришь в эти рассказы? – на сей раз рассказчика преврал торговец Жорди Серра. – Я думаю, что этот Домингес – сумасшедший, а упомянутый тобой Голдин или Голвин, как там он зовется, поверил ему, как последний осел, записал этот бред и издал.

– Я не путешествовал с ним в одной корзине, конечно, – сказал Консул, – но заметь: Колумбу тоже никто не хотел верить, а он открыл-таки Индию.

– Ну да: проплыв по морю, на каравеллах, как положено, – снова возразил Серра. – Воздух же не создан, чтобы человек по нему летал. На то есть птицы.

– Ну, это ты так думаешь! – подал голос Вальерьола, решивший внести в разговор свою лепту. – Возможно, вы не знаете, но пророка Аввакума ангел перенес по воздуху из Иудеи в Вавилон, чтобы тот пришел на помощь пророку Даниилу. Ангелы и демоны летают, летают и ведьмы...

– Ведьмы, ведьмы! – закричала Катерина Боннин, которая до того момента вела себя тихо, но упоминание ведьм привело ее в крайнее возбуждение, заставило забыть об обеде и выскочить из-за стола.

– Мы этого не увидим, но придет день, когда человек – господин земли и моря – завладеет воздухом и создаст корабли, чтобы бороздить небесное пространство. Будьте уверены! – сказал Вальс.

– То, что ты узнал из книги путешествий, Консул, я читал в одной древней книге, – произнес Агило. – Там рассказывалось об одном петухе, который долетел до неба и узнал все тайны Природы: отчего горят звезды и меняется луна, по какой причине происходят землетрясения и дуют ветры, но он сохранил все это в секрете.

– И это ты говоришь? – воскликнул Консул. – Откуда ты знаешь, что это не шутка – путешествие этого петуха? Или ты веришь рассказам Зопета, что были времена, когда животные разговаривали, орлы летали на небеса, и не только они, но и верблюды с жуками?

Уже подали на десерт фрукты и сладости, когда Шрам, смотревший на все широко раскрыв глаза, попросил Пере Онофре поточнее описать своего знакомого, стремившегося летать, – как того зовут и где тот живет.

– Его имя не имеет значения, потому что живет он не на Майорке, но если ты хочешь сбежать отсюда, то я выправлю тебе разрешительные бумаги, и ты спокойно уедешь по морю, поскольку я нахожу, что это более естественный способ покинуть остров.

– Речь вовсе не обо мне, – горячо заверил Кортес, почувствовавший себя неловко. – Мне нет никакой необходимости уезжать отсюда. Я это так, из любопытства спросил.

– Я так и подумал, – заключил Пере Онофре, чувствовавший себя сбитым с толку, потому что из-за возникшей дискуссии не мог сообразить, как ему вновь завладеть всеобщим вниманием. – Что касается моря, – громко сказал он, воспользовавшись тишиной, – знаете ли вы, что в Голландии один мудрец высчитал, сколько нужно губок, чтобы высушить всю гавань в Антверпене...

– Лучше б они просто откачали воду, – высказал свое мнение Консул, – так выйдет быстрее.

– Стоило бы изобрести машину, откачивающую из голов дурные мысли, – заявил Габриел Вальс.

– А еще такую машину, – снова заговорил Пере Онофре, – которая воспроизводила бы человеческую речь с совершенной точностью...

– Механизм, – подхватил Вальс, – который бы записывал каждое слово, ничего не пропуская, точь-в-точь. Тогда мы бы всегда были уверены в том, что говорили, или в том, что мы позволили себе сказать. Это было бы полезно иметь в суде. – И он пристально посмотрел на Шрама, но ювелир не обратил на это никакого внимания, поскольку в этот момент положил на тарелку новую порцию десерта и глотал, смакуя, очередной кусок, сосредоточившись на его тонком вкусе.

Солнце скрылось в серых тучках, и на сад опустились сумерки, когда Кортес в обществе Понса покинул гостеприимные владения Вальса. Они молча дошли до города – шорник был человеком немногословным, – вошли в него через ворота Святого Антония и вскоре распрощались. Шрам несколько раз оглянулся, чтобы проверить, не идет ли кто за ним: он решил идти домой не сразу, а зайдя сначала в Монтисион, чтобы только извиниться перед отцом Феррандо и объяснить, отчего не пришел к нему утром, однако бумагу не хотел отдавать. Разговоры за обедом очень заинтересовали его, особенно история про летающего человека, так что ему было что добавить в донос. С другой стороны, Шрам намеревался смягчить провинности двоюродного брата, хотя полностью исключить свои обвинения он не мог из-за договора с исповедником, как бы Габриел Вальс ни настаивал на этом. Но до монастыря ювелир так и не добрался, потому что перед ним внезапно выросла смутная человеческая фигура. Кортес поднялся к дверям своего дома, чтобы лучше рассмотреть, кто это. Пере Онофре Агило сердечно поприветствовал старого кляузника, стоящего с ключом в руке, но приглашение зайти отклонил.

– Ну, мы еще увидимся. Когда, ты говоришь, отплываешь?

– Послезавтра.

«Этот знает, что делает, – подумал Шрам, распрощавшись с торговцем. – Убедив всех, что обязательно вернется, быстро и без проблем справил себе разрешительные бумаги. И торговля у него идет отлично, как говорят. Он богатеет, много путешествует, всем доволен. Повидал мир. Взлететь на искусственных крыльях – это вполне в его духе. Кто знает, может, он про себя рассказывал?»

Кортес сказал Полонии, что ужинать не будет, поскольку объелся за обедом, и заперся в своей комнате. Не стал он и подниматься на крышу. Ювелир устал за день и решил побыстрее лечь, в надежде, что бессонница отступит и он наконец отдохнет. Шрам аккуратно разделся – ведь наряд был воскресным – и натянул ночную рубашку. Когда он складывал одежду, к его ногам выпали бумаги, которые он бережно хранил на груди весь день. Кортес положил их на подушку. Потом поставил светильник в изголовье и начал читать:

Во имя Иисуса Христа, Пресвятой Матери Его и святого Иосифа!

По указанию своего исповедника я, Рафел Кортес по прозвищу Шрам, написал эту бумагу в субботнюю ночь начала июня года 1687 от Рождества Господа нашего, чтобы облегчить душу, искупленную Христом.

В прошлый четверг мой двоюродный брат Рафел Кортес по прозвищу Дурья Башка пришел ко мне домой, чтобы возвестить о том, что ему было видение архангела Рафаила, какой повелел предупредить меня, дабы я не отклонялся от пути истинного и не отвергал Закон Моисеев. Также сей архангел повелел брату совершить обрезание всей его семьи. Обоих сыновей Дурья Башка подверг этой процедуре в ту же ночь, когда дочь его Айна была принесена домой раненой на руках чужеземного моряка, как Вашему Преподобию уже известно. Дурья

Башка также сказал, что не станет докучать мне и угрожать, поскольку я – католик и папист, а потому никогда не вернусь к истинной вере предков: не блюду заповедь субботы, но отдыхаю в воскресенье, ем нечистую пищу – свиное мясо и всякую рыбу без разбора, с чешуей и без. Все это между мною и Дурьей Башкой происходило в четверг в его лавке, без свидетелей.

Благодарение Господу Нашему Отцу Всемогущему и да пребудет милость Святейшей Девы Марии, Матери Божьей, со мною грешным.

Подпись

Рафел Кортес, Шрам

7 июня 1687 года

Сейчас, однако, после обеда в саду у Вальса, и особенно после его заверений, что он сам станет поручителем за Дурью Башку и тот вскоре выплатит все деньги, какие должен, Шрам не знал, о чем стоит писать, а о чем лучше умолчать. В самом деле – если он расскажет о брате слишком много, то, как ему совершенно ясно объяснил Вальс, никогда не увидит своих дублонов, поскольку все добро Дурьей Башки немедленно конфискуют. Нет, ни в коем случае нельзя писать об истории с обрезанием. И вообще обвинения в адрес родственника надо свести к незначительным прегрешениям. Если же это вскроется, то отец Феррандо зачислит ювелира в сообщники, и тогда не только придется распрощаться с заказом на изготовление дароносицы, но и с собственным имуществом, а то и с жизнью... Похоже, нет иного выхода, как забыть о деньгах и прислушаться к велению своей христианской совести, которая (об этом многожды напоминал ему исповедник) должна быть в согласии с интересами Церкви; они же заключаются не в стремлении повсюду преследовать евреев, но в желании образумить этих дурных христиан, каковые хоть и принимают крещение, однако возвращаются к обычаям, отмененным милостью Господа нашего Иисуса Христа.

«Ведь должен быть способ, – молился Шрам, – ведь должен существовать способ, Господи, чтобы Твое правосудие свершилось так, чтобы я не становился предателем... А если отец Феррандо, который хорошо знает, как работает механизм святейшей инквизиции, смог бы устроить так, чтобы в обмен на мои показания суд счел возможным вернуть мне долг Дурьей Башки?»

Он ничего не говорил исповеднику о долге брата, чтобы иезуит не подумал, будто Кортес просто мстит родственнику. Теперь пришло время все прояснить. За всю жизнь Шрам не видел от Дурьей Башки ничего хорошего. Кроме того, брат уже стар и болен, а процесс над ним сразу начать не смогут... Нельзя сказать, чтобы Дурью Башку очень любили в квартале; наоборот, почти каждый обитатель Сежеля пострадал от его дурных манер, от вспышек беспричинного гнева и от фанатичной преданности старой вере. *«Ничего я не выгадаю, если не стану обвинять его, – повторял ювелир, с каждым разом все более уверенно, – сколько бы я ни беседовал с Вальсом, ни обедал в его саду и ни слушал рассказов про летающих людей».*

Проведя этот воскресный день в саду торговца столь приятным образом, Шрам только и мог сказать, что там качают воду в выходной, что шорник отпустил пустячную шутку о пирогах без свиного сала и что Пере Онофре рассказал байку о чужеземце, который конструирует себе крылья... Обессиленный от напряженных размышлений, ювелир заснул с бумагами в руках. Он проснулся внезапно, едва пробил полночь, весь в холодной испарине и с колотящимся сердцем. Ему приснились люди исполинского роста, которые в сосредоточенном молчании заменили им, Кортесом, какого-то младенца в колыбели, пока нянька – слишком юная, чтобы тщательно стеречь сон ребенка, – отвернулась. Встревоженный столь странным сном, он встал с кровати и подошел к зеркалу, чтобы внимательно рассмотреть свое отражение. Шрам испугался, что фантастическое сновидение сбылось и что этой ночью таинственный визитер с Луны подменил его.

IV

Габриел Вальс проводил последних гостей и в поисках предвечерней прохлады пошел к апельсиновым деревьям в обществе одного только Консула. Тот первым начал разговор, едва они уселись в укромном уголке сада, в густой тени, там, где их никто не мог подслушать. Жузеп Таронжи сказал, что целый день прикусывал язык, чтобы не спросить, чего это ради на обед приглашен ювелир, которого можно вообразить где угодно, но только не здесь. Надо думать, для этого у духовного главы майоркских евреев, которого Консул называл, как и остальные близкие люди, Равви⁵³, были серьезные причины. Поэтому ему только и оставалось, что молча удивляться, глядя на то, с какой любезностью тут принимали Шрама. Габриел Вальс со спокойной улыбкой слушал излияния друга, не прерывая его. И лишь когда Консул напрямую спросил: «Он что, обратился, Равви? вернулся к нам? к нашему Закону?» – заговорил, предварительно взяв с Таронжи слово, что тот сохранит все услышанное в тайне. Вальс рассказал, как Шрам угрожал Дурьей Башке доносом, и, чтобы проверить, сколько правды содержится в словах бедного сумасшедшего, пришлось встречаться с ювелиром. А потом пригласить на обед, дабы убить одним выстрелом двух зайцев: завоевать его доверие, чтобы тот не чувствовал себя отторгнутым от всех, и показать старому кляузнику, что и народ квартала празднует воскресный день так же, как прочие добрые христиане. Так что Шрам мог своими собственными глазами наблюдать, что в саду не происходит ничего предосудительного, никаких еврейских сборищ, как поговаривали церковники. Присутствие шорника Понса и торговца Серра – завсегдатаев этих воскресных обедов – красноречиво свидетельствовало о лояльности жителей Сежеля. Конечно, самому Вальсу Кортес совершенно не нравится. Он ценит в людях верность своему роду, общине, древней традиции, а Шрам – самая настоящая паршивая овца. Так что рассказ о селенитах явно поразил его, как ядовитый укус скорпиона, хоть ювелир и сделал вид, что не принял байку Консула всерьез. Вальс очень ценил умение Жузеп Таронжи в подходящий момент словно бы невзначай провести смысловые параллели и завидовал его обширным познаниям, которые тот черпал практически всегда из книг, благо мог читать на нескольких языках. Хотя ему и не нравилось чрезмерное любопытство Жузеп и стремление стать затычкой в каждой бочке.

Когда Вальс закончил объяснения, Консул с издевкой стал передразнивать свихнувшегося от благочестия ювелира, изображая, как тот потирает, вслед за священником, ладони и с сокрушенным видом предается молитве. Равви не обратил на кривляние друга никакого внимания – про Кортеса он и сам все знал, ему не терпелось поговорить о том, ради чего, собственно, он и попросил Таронжи остаться. Но старейшина еврейской общины не торопился начинать разговор, поскольку знал, что беседа неизбежно взволнует его, вызвав в памяти образы прошлого. Минуло уже шесть лет, но все равно, как только он вспоминал Бланку Марию Пирес, так странная слабость сковывала все его члены, проникала до самого мозга костей и делала тело безвольным, словно бы наполненным жидкостью, состоящей из непролитых слез. Вальс, который никогда, даже в юности, не испытывал подобных чувств и всегда сопротивлялся им изо всех сил, теперь находил определенное удовольствие, представляя – пусть это и было всего лишь томление плоти, – насколько Бланка недоступна и оттого желанна. Наконец, воспользовавшись паузой в болтовне Консула, который так и продолжал издеваться над Кортесом, Равви взял себя в руки и начал разговор, спросив о судьбе арестованного моряка.

– Да, этим утром алькальд разрешил мне с ним повидаться. Мне так его жаль! Этот бедняга по имени Жоао Перес – португалец по происхождению и приплыл из Антверпена. Он уже

⁵³ Равви (вар. рабби, ребе – «учитель») – почетный титул, даваемый в еврейской общине уважаемому человеку, обладающему богословским знанием.

было решил, что будет гнить в тюрьме до конца жизни. Я устал считать, сколько раз он меня поблагодарил, когда узнал, что капитан корабля поручил мне заняться его делом и добиться освобождения. С капитаном мы знакомы еще со времен моей дипломатической службы в Англии. Не сегодня-завтра он возьмет курс на Ливорно и, коли все сложится так, как я думаю, поговорит с Джакомо Тадески. Ты помнишь его?

– Что ж, все это просто прекрасно и лишний раз подтверждает твою репутацию справедливого человека, но мне хотелось бы знать, что он тебе рассказал о Гарце, и особенно – что известно алгутзиру.

– Первое, о чем я спросил его, Равви, первое, – с горячностью повторил Консул, – это что ему рассказывал Гарц и он ли его послал сюда. Перес подтвердил, что познакомился с Гарцем в Антверпене, и тот рассказал ему о последнем путешествии на Майорку, о любви к нему прекрасной дамы, так что по описанию юноша заключил, что она точь-в-точь совпадает с образом из его снов, и потому отправился в путь, ибо был уверен, что к нему Фортуна будет более благосклонна, чем к капитану пиратов. Однако Гарц не назвал ему имени дамы, а сам разузнать его он тоже не мог. Все это Перес и рассказал алгутзиру. Я уверил юношу, что капитан одурачил его и что в Сьютат нет ни одной знатной сеньоры, подходящей под описание Гарца, а истории такого рода про обольстительных и коварных дам, которые отправляют своих слуг в поисках незнакомцев, чтобы те развлекали их всяческим образом, – обычное дело среди моряков.

– Должно быть, этот мальчик – чистая душа, если все обстоит так, как ты говоришь...

– Думаю, так и есть, я оставил беднягу сильно разочарованным. Он предпочитал бы верить Гарцу...

– Проклятый Гарц! Бесстыжий тип! Так бы и содрал с него шкуру!

– Ты знаешь, Равви, что я думаю по поводу всей этой истории. Виноват не один только этот пират. Сам путь, выбранный нами, был ошибочным. Эта сеньора...

– Консул, я не разрешаю тебе... Если я не в силах тебя переубедить, так, по крайней мере, могу заставить тебя молчать! Бланка Мария Пирес рисковала своим положением и добрым именем, чтобы помочь нам! И заслуживает лишь уважения и восхищения.

Появление садовника, который пришел за Консулом, чтобы проводить того до Ворот Святого Антония, которые вот-вот должны были закрыть на ночь, прервало старый спор двух друзей. Вальс распрощался с Консулом и снова вернулся в сад, чтобы прогуляться в одиночестве, вслушиваясь в звуки ночи и любуясь звездами. Он всегда так поступал перед вечерней молитвой, если предоставлялась возможность. Но звезды, которые в июньском темном небе казались более яркими и близкими, чем в остальные месяцы, на сей раз не успокоили его. Напротив, лишь усилили внутреннюю смуту, поскольку такой же ночью в начале лета, звездной и бархатной, он впервые говорил с Бланкой Марией Пирес, и ему хватило буквально нескольких минут, чтобы понять, как она не похожа на прочих женщин. Не только потому, что у нее были глаза цвета фиалки, а волосы – словно медовая патока, пронизанная горячими солнечными лучами в августовский полдень, но и потому, что в ней чувствовались отвага и достоинство. Они изредка встречались и до той ночи, когда Вальс должен был сообщить ей о беде, поскольку у него были совместные торговые дела с ее мужем, но до этого он лишь отмечал ее удивительную красоту и обходительность манер. Однако тем вечером, когда он в неурочный час позвал ее слуг, чтобы они открыли дверь и впустили его к ней, Равви смог убедиться в стойкости ее характера и уме. Еще до того, как он начал говорить, женщина догадалась, что новости – дурные, и лишь когда торговец вручил ей перстень, на котором было выгравировано имя мужа, она заплакала. Но не кричала, не рвала на себе волосы, как обычно делали другие жены, не устраивала спектакля перед слугами. Плакала она долго, без стонов и воплей. Погруженная в свое горе, Бланка, казалось, не замечала, что Вальс сидит рядом и что его руки поддерживают ее за плечи, поскольку в какой-то момент ему показалось, что она сейчас потеряет сознание.

В этот самый момент волосы сеньоры Пирес коснулись его щеки, на него повеяло жасмином и каким-то особым женским ароматом, и эта смесь запахов поразила его обоняние навсегда. С тех пор его воспоминание о Бланке Марии Пирес было неизменно ими окутано: так, казалось ему, пахли волосы Юдифи, хотя в Библии нечего и не сказано о жасмине. Когда ветер приносил аромат цветущего жасмина из какого-нибудь сада, он неизменно обращался мыслями к вдове своего старинного компаньона Андреу Сампола, о чьих интересах он и по сей день пекся больше, чем о своих, так как тот просил не оставлять Бланку без защиты.

Теперь, как и всегда, когда Габриела Вальса искушали подобные воспоминания, старейшину еврейского квартала начало мучить раскаяние. Он думал, какое наказание будет справедливо для усмирения его плоти – старой и немощной, но все еще способной оживать, как только хоть немного жизненных соков проникало в ее корни. Вальс понимал, что был нечестен со своим телом, потому что источник этого возбуждения кроется в ином месте, скрытом и недоступном силе воли, где-то в глубине души, в самой сердцевине памяти, которую невозможно усмирить, чтобы заставить стереть все, что она столь настойчиво вызывала в воображении. Беспокойные воспоминания всплывали из глубин памяти внезапно, помимо его желания, в самые неожиданные и неловкие моменты: например, когда Равви сосредоточенно молился Адонаю, или готовился заключить важную сделку, или растолковывал сыновьям основы иудейской веры... Образы, поднимавшиеся из недр души, мучили Вальса, заставляли почувствовать себя более слабым и более грешным, чем он привык себя ощущать, поскольку полагал, что похоть – удел людей недостойных, потакающих своим животным инстинктам, которых всегда осуждал и стыдил. А теперь сам призывал на помощь всю свою волю, чтобы справиться с собственной памятью.

Разум бдел, тогда как желание и воля вели меж собой странную войну, в которой последняя неизменно проигрывала, и Равви вновь и вновь погружался в соблазнительные воспоминания. Воля разрешала любить Бланку лишь как вдову друга, как сестру, с которой разделяешь не только верность умершему, но и общие интересы, скорее духовного порядка, чем мирского. Духовными были долгие беседы, которые они вели – о душе и рае, и, среди прочего, о любви, которую обсуждали не один раз, о той платонической любви, что она видела в его глазах – свободной от земных желаний и способной провести по невидимой лестнице на небеса. Души, утверждала Бланка, не имеют пола, ни мужского, ни женского. Их природа одинакова и должна стремиться к совершенству. Да, они обитают в разных телах и потому различаются. Ему эти смелые рассуждения казались опасными, и потому Вальс предпочитал сворачивать беседу на более спокойные и знакомые темы, такие как скорый приход Мессии, в чем его убеждали имеющиеся у него сведения.

– Расскажите же, Равви! Если мне удастся увидеть Его, я буду счастливейшей женщиной на земле! – и ее глаза, обращенные на старейшину, сияли ярче прежнего.

Вальс начинал растолковывать, цитируя пророка Даниила, что Искушение состоится, лишь когда народ Израиля соберется воедино, и ссылался еще на текст Второзакония, в котором говорится о всеобщем рассеянии, которое произойдет перед концом света. Как он слышал, есть письменное свидетельство одного марана⁵⁴, Аарона Леви Монтесиноса, известного в христианском мире как Антонио де Монтесинос, который обнаружил в 1642 году возле Кито, в Эквадоре, людей, чей род восходит к утраченным коленам Рувимову и Левиину... В Англии, на краю земли, евреи уже получили кое-какие преимущества. Кромвель разрешил вернуться тем, кто до этого был вынужден искать убежища в Голландии. Если в Англии иудеи смогут беспрепятственно жить по Закону Моисееву – а Консул считает это вполне возможным, – то очень скоро рассеяние охватит все земли и освобождение, которое должен принести Мессия, наступит. С приходом Мессии мытарства народа Божия завершатся навечно.

⁵⁴ Маранами называют насильственно обращенных в христианство евреев Испании и Португалии.

– Мессия соберет народ Израилев со всех четырех концов света, вернет его в Землю Обетованную, и Храм Соломонов будет восстановлен... Мессия даст нам сердце новое, лишенное лукавства...

В такие моменты он словно бы забывал, как тот же Консул говорил, что создание еврейской общины в Англии было полулегальным, а не открыто разрешенным. А это не одно и то же. Так что должны были пройти еще столетия до того, как вера в скорый приход Мессии обретет твердую почву. Но он, Габриел Вальс по прозвищу Равви, Габриел Вальс Старший, сын Микела Вальса, торговца, внук Габриела Вальса, также торговца, правнук Микела Вальса, костоправа, праправнук Габриела Вальса, физика, известного как Абсало, ученика картографа Яфуда Крескеса⁵⁵, не желал сомневаться в обоснованности своих надежд, поскольку в них верили и его отец, и его дед, и дед его деда, упорно соблюдавшие закон Моисеев во времена унижения и поношения, лишений и бедствий, во времена волчьи, во времена жестокие, во времена всеобщего бесчестья, во времена скорпионов, у них была лишь память о временах иных – временах надежды, когда Господь Всемогуший, Яхве, Господин Неба и Земли, отправил их в странствие по миру. Он не отрекался, как Шрам, от закона своих предков, не сомневался, как Микел Миро или братья Валлериола. Равви знал, что вера запечатлена в его сердце, вырезана на его коже, вложена в его душу и что лишь так можно обрести спасение. Христиане же, которые поклонялись целой куче разномастных образов, выставленных в их церквях, воскурляли перед ними ладан, складывали к их ногам приношения, превращали в драгоценные реликвии кости и одежду мертвых, представляют собой племя идолопоклонников, в заблуждении своем приносящих жертвы, возносящих хвалебные молитвословия золотому тельцу, а не Богу Всемогущему. Ему повезло родиться иудеем, и, как и Бланка Мария Пирес, которая благодаря беседам с Равви вернулась на истинный путь, иудеем он желал и умереть. Вальс гордился своими корнями – более древними и благородными, чем у прочих торговцев Города, которые за деньги добывали себе гербы и культивировали в своих сердцах выдуманное ими самими благородное происхождение, эти фальшивые потомки завоевателей-каталонцев, пришедших на Майорку⁵⁶, когда еврейская община уже давно жила там, построив себе крепкие дома, обладая добротным имуществом, умело ведя дела, благодаря чему обеспечивала себе достойную жизнь и имела прекрасную синагогу. Поэтому, если кому и принадлежит эта земля, этот горячо любимый остров, этот маленький рай, возникший, словно чудо, словно Радуга Завета⁵⁷, посреди бирюзовых волн, это затерянное королевство, эта поистине Земля Обетованная, как говорил его отец в самые тяжелые времена, так это им, евреям, и еще тем, кто носит фамилии Бенассер, Арром, Аломар, Аймерик, Маймо. Хотя все, кого он знает из этих родов, посмотрят на него как на сумасшедшего и побоями заставят замолчать, если сказать им, что они могут гордиться своим происхождением от мавров, от чистейшей мавританской крови, от мирных людей, а не от пиратов, что совершали набеги из Алжира, появлялись в маленьких прибрежных деревушках, сея повсюду кровь и огонь и сохраняя жизнь лишь тем, кого собирались угнать в рабство. Не от разбойников, а от истинных сеньоров этой земли, тех мавров, что разрешили им здесь свободно поселиться и безбоязненно жить по закону Моисееву в мире и покое много лет. Но Равви даже и не будет пытаться заговорить об этом ни с кем из Бенассеров или Арромов, как бы он ни уважал их, как бы ни верил в то, что может подружиться с ними, в то, что доверительные отношения помогут им сильнее сплотиться, думая о славном прошлом, куда более достойном, чем те времена, в которые выпало жить им.

⁵⁵ В XIV–XV веках Майорка была мировым центром картографии. Особенную известность приобрела работа семейства картографов Крескес: Авраама, создавшего знаменитый «Каталонский атлас» (1375), и его сына Яфуда, автора множества навигационных карт.

⁵⁶ В 1229 году каталонский король Жауме Первый, стремясь расширить торговые связи с Северной Африкой и Востоком, завоевал Майорку, находившуюся тогда под властью мусульман-альмохадов.

⁵⁷ После потопа Бог установил в облаках радугу как знак завета с человеком (Быт. 9: 1–17).

Льуренсу Бенассеру было четырнадцать лет, как и ему, дружившему с ним с детства, с тех самых дней, когда он, Габриел Вальс, научил его метать камни в ящериц и подарил оружие, которому завидовали все мальчишки: рогатку. Но Бенассер не понял друга. «Я – мавр? – воскликнул он и попытался толкнуть, но не смог сдвинуть его с места, поскольку был низкорослым и слабым, а кости имел тонкие и хрупкие, словно девчонка. – *Забери свои дерьмовые слова назад, собака! Ну-ка скажи, что у меня может быть общего с тобой, евреем, коли вы выковали гвозди, которыми распяли Господа нашего Иисуса! Жидовская твоя морда!*»

Вальс не стал настаивать и быстро сказал, чтоб тот не обижался, что вовсе не хотел его оскорбить, а вот он-то говорит и в самом деле обидные вещи... Но Бенассер не слушал его, с криком и плачем несся по улице, потом внезапно обернулся, чтобы прокричать, что однажды заставит Вальса спустить штаны и показать свой хвост, потому что его отец говорит, будто у всех евреев есть сзади хвост, хвост дьявола... Габриел бежал, под свист и улюлюканье стаи мальчишек – соседей Бенассера – через Ворота Святого Антония. Был четверг – рыночный день. Он бежал, топча овощи, опрокидывая на землю горшки и подносы со тряпней, вспугивая кур и индюков под ругань торговцев, которые думали, что весь этот переполох мальчишки устроили специально, задумав какую-то каверзу. Вальс стремился на улицу Бустерия, чтобы оттуда пробраться в свой дом, а там уже спрятаться в самой дальней комнате, укрыться под защитой отца и матери. Ему было страшно. Очень страшно. Он боялся не взбучки. Он боялся унижения. Боялся, что с него стащат штаны и не вернут, и придется вот так – с голым задом – возвращаться домой, где отец устроит порку. Вальс уже был знаком с его знаменитым ремнем, к ударам которого не жаждал привыкать. Габриел бежал, как затравленный заяц, преследуемый криками: «*Жид! Покажи нам свой хвост!*» К мальчишкам присоединились и крестьяне, которые уже разобрались, что тут пахнет не обычной проделкой юнцов, а делом поважнее – схватить обитателя Сежеля. Так что крики мальчишеской ватаги смешались со смешками и – поначалу – парой голосов: один, густой и низкий, принадлежал какому-то огороднику, другой – высокий и тонкий – его жене. Потом и стало больше, и теперь уже шесть-семь голосов вторили крикам преследователей: «*Давайте, парни, давайте! Спустите с жиденка икуру!*» Он бежал изо всей мочи, так, словно за ним гнался сам дьявол. Но силы были не равны: один против пятерых. «*Жид, покажи нам хвост!*» Они уже почти настигли его, их разделяло каких-то двадцать шагов... пятнадцать... и вот они повалили его на землю. Задрали рубашку, стали, несмотря на его яростное сопротивление, стаскивать штаны. Вот показались голое бедро... крестец... ягодица... «*Отпустите меня! Хватит, хватит!*»

С Вальса хватило воспоминаний. Он не хотел вновь пережить то, что чувствовал тогда, распластанный на земле, оседланный своими мучителями, брыкающийся, изрыгающий проклятия вперемешку с плевками. Равви хотел бы стереть из своей памяти того подростка, униженного почти на пороге собственного дома, уничтожить воспоминание о потной ладони Льуренса Бенассера у себя между ног. Нет, нет, он не хочет снова видеть все это. Не от сожаления или жалости. Он никогда не чувствовал их по отношению к себе. Отвращение и бесконечная ненависть захлестывают душу. Поэтому все эти воспоминания Вальс прятал в самом глубоком колодце, в самом дальнем тайнике своей души. Они приносили ему боль, наполняли неясным чувством, в котором жажда мести и ненависть образовывали мутную смесь. Закон предков на его стороне: Адонай не покарает мстителя. *Око за око. Зуб за зуб. Платите той же монетой, что и вам платили. Отмеривайте той же мерой, что и вам отмерили.* И теперь уже Льуренс Бенассер бежит в спущенных штанах по Новой площади, а Габриел Вальс несет за ним с палкой, чтобы треснуть его точно по копчику, чтобы тот достоверно узнал, откуда у нечестивцев растет хвост. «*Юношеские проделки*», – сказал помощник алгутзира, не придав этой истории никакого значения, поскольку накануне ночью в Городе произошли события не в пример серьезнее, чем стычка двух молодых людей, тем паче что один из них из Сежеля. В теле полусонного чиновника до сих пор гудели колокола со всех городских колоколен. Они эхом ото-

звались на сигнал тревоги, едва большой колокол из монастыря Святой Магдалины разбудил посреди ночи горожан. Габриел Вальс, который еще не спал, услышал, как ему ответила боем Смоковница⁵⁸, потом – колокол церкви Святого Элоя, за ним, уже еле слышно, отозвались с церкви Святой Евлалии и Святого Якова, Святого Николая и Святого Креста... «*Что случилось? Что случилось?*» – спрашивала его бедная мать, разбуженная неистовым звоном, бродя по дому в одной рубашке. «*Нас атаковала французская эскадра, – ответил отец, – но пушек что-то не слышно*». Вскоре стало известно, что весь переполох произошел по вине графа д'Айманса – тот попытался похитить свою жену (укрывшуюся в стенах монастыря Святой Магдалены после того, как он бросил ее) и отбыть с ней ко двору, невзирая на ее протесты. Пока отряд алгутзира уносил осадные лестницы, с помощью которых пытался захватить графа и его приспешников (но неудачно, поскольку д'Айманс сбежал), Габриел Вальс думал, что завтра, а точнее сегодня, поскольку было уже около трех ночи, отличный момент отомстить Бенассеру, ибо даже если жертва пожалуется властям, у алгутзира сейчас слишком много работы, чтобы вникать в такие мелочи.

Нет, ему вовсе не доставило большого удовольствия гнаться с палкой в руке за Бенассером, который почти и не пытался сопротивляться, поскольку был слишком труслив и оказался один. Он упал на колени и послушно исполнял приказы, отдаваемые Вальсом, стена и плача, но не рискуя ослушаться. Бенассер сам спустил штаны и послушно подставил зад под палку Габриела, который со злостью и отвращением лупил его по ягодицам, пока не потекла кровь. Вальс гнал своего бывшего мучителя до церкви Святого Николая, возле которой отец парня держал кабачок, открытый всю ночь, и видел, как Бенассер вошел туда, прикрыв голый зад руками. Нет, нет, эти воспоминания Равви тоже старается прогнать от себя, даже с еще большей силой, чем предыдущие, хотя и действовал по справедливости. Бенассер заслужил наказание, которое Габриел осуществил в одиночку, без посторонней помощи. Отец ничего не сказал, но сам он все равно был недоволен собой и чувствовал какую-то фальшь во всей этой истории, не доставившей ему ни удовольствия, ни удовлетворения. Сейчас, с расстояния прожитых лет, Вальс смотрел в испуганные глаза Бенассера, глаза, полные унижения, когда этот кусок дерьма послушно выполнял все, что ему приказывали, и Равви казалось, что в этих глазах помимо страха он различает искру затаенного удовольствия, отблеск темного желания. После этой истории, встречаясь на улице, они делали вид, что не знают друг друга, но Вальс несколько раз замечал, как Бенассер краем глаза наблюдает за ним, едва они расходились. Однажды утром по Городу разнеслась весть, что кабатчик у Святого Николая, холостяк, найден заколотым. Убийца сам признался в преступлении – это был раб-мавританин из дома Турелья, он убил Бенассера, чтобы защититься от его похотливых домогательств. Впрочем, объяснение не помогло: раба все равно повесили, а голову выставили на всеобщее обозрение, водрузив на тюремную решетку в назидание.

Вальс не знал, отчего посреди покоя, царившего в ночном июньском саду, его одолевали все эти будоражающие картины прошлого и как он от приятных мыслей о Бланке Пирес перескочил на воспоминания о юности и первых стычках, вызванных его происхождением. Позднее жизнь приучила Равви к тому, что он – чужак. Он и был не таким, как все, и гордился этим, потому что его род происходил, подобно остальным евреям Майорки, от тех израильтян, коим Адонай – их единственный Господин – ниспослал манну небесную для пропитания. Господь питал их нектаром и амброзией, пришедшими с небес, и оттого они обладают более проворным умом, чем прочие смертные. Поэтому – Габриел Вальс постоянно повторял это остальным – не по личным заслугам, но исключительно по милосердию Адоная они избраны Народом Божиим. Сыны Израилевы вкушали манну в пустыне, манну посылал Господь, которому Одному подобают честь и слава. Не оставляет Он нас и во времена позора, даже если и кажется

⁵⁸ Смоковницей горожане прозвали часы, расположенные на здании муниципалитета Пальмы де Майорка.

иногда, что Иегова забыл о нашем существовании и отвратил ухо свое от молитв наших. Некоторые из нас еще недавно томились в тюрьме, потеряли все свое имущество, но когда вышли из Черного Дома, то начали жизнь с чистого листа, приложили усилия и вновь подняли голову, тогда как другие, живущие за пределами квартала, либо существовали на подавание, либо умирали по углам. Они – Народ Божий, Народ Элохима⁵⁹, по милости Господней смогут вырваться из плена, в котором пребывают, как смогли выйти из Вавилонского пленения. Все-гда в его роду есть кто-то, чья задача – вести за собой остальных, нуждающихся в поводе. Внезапно он вспомнил Эстер⁶⁰ и Юдифь⁶¹, излюбленных героинь вдовы Сампол. Ее цариц. И снова в памяти всплыло лицо Бланки, обрамленное густыми волосами, от которых шел тонкий аромат жасмина. Вальс инстинктивно поднял глаза к звездам. Они переливались серебром высоко-высоко, потому что боялись увидеть свое отражение в море. Так говорил его друг Сампол, когда с носа корабля наблюдал, как капитан определяет курс корабля. В своих плаваниях и путешествиях по всей Европе Равви почувствовал вкус свободы, который по возвращении на Майорку он терял. Его странствия по миру длились более тридцати лет. Он без труда мог бы остаться в Ферраре, воспользовавшись покровительством семейства Мендес, или поселиться в Бордо, но Габриел знал, что не вынесет ничем не заполненных, бессмысленных вечеров, когда дневные хлопоты окончены, а рядом нет никого из близких, что зачахнет от тоски вдали от родителей, которые слишком стары, чтобы покинуть остров. После их смерти Вальс мечтал только об одном: убраться отсюда, уехать туда, где он мог бы безбоязненно, не таясь, исповедовать свою веру, не изображать из себя христианина, не вести двойную жизнь, не лгать... Но наступили другие времена. Получить разрешение оставить остров и выехать за пределы королевства, чтобы поселиться где-нибудь в Европе, стало невозможно. Пере Онофре судьба сделала роскошный подарок: его компаньону Пере Десбрулю было выгодно, чтобы тот мог беспрепятственно ездить по торговым делам. Но кроме него никому так не повезло. Остальным было запрещено покидать остров. Их предпочитали держать на привязи, чтобы они не могли снова впасть в жидовство. Так христиане объясняли свой запрет. На самом же деле все, чего они хотели – так это заполучить еврейские деньги, безнаказанно ограбить обитателей Сежеля, обтрясти их, как фруктовое дерево.

«В Ливорно, как говорит Пере Онофре, все богаты. И он тоже. И хоть не слишком удачлив в делах, может содержать собственный экипаж. Здесь ни у кого из евреев нет ничего подобного. То же и с прочей роскошью. На Майорке все под запретом. Например, одежда из шелка. А в Ливорно Агило подкатывает к дверям синагоги в личном экипаже».

– *Никто ни от кого не прячется. Во всем мире все живут так, безо всякой боязни. И надо поискать способ, чтобы и ты, и Консул...*

Но Габриел Вальс считал, что речь должна идти о чем-то большем, чем просто об облегчении его жизни. В любом случае он не может оставить без помощи тех, кто привык на него надеяться... «В Ливорно уедешь – назад не воротиться». Там живет Бланка Мария Пирес. Оттуда она передает ему приветы и подарки через общих знакомых, но – ни одного слова, начертанного ее рукой, ни одной записки, которую он мог бы выучить наизусть, прежде чем порвать и доверить в такую ночь, как эта, далеким безмолвным звездам.

⁵⁹ Элохим (буквально – «Могущественный») – одно из имен Бога в иудаизме.

⁶⁰ Так иудеи называют царицу Есфирь, жену Артаксеркса, которая защитила еврейский народ от уничтожения и помогла ему расправиться с врагами (см. Есф. 1–9).

⁶¹ Юдифь – эта богатая и красивая вдова, героиня апокрифической «Книги Иудифи», спасла иудейский город Вифулию от разграбления: оделась так, «чтобы прельстить любого, кто взглянет на нее» (10: 5), и после пира отсекла голову ассирийскому военачальнику Олоферну.

V

Отец Феррандо принял Шрама немедленно и столь же поспешно выпроводил. Даже не стал слушать объяснения, почему ювелир не явился на утреннюю встречу, и пропустил мимо ушей рассказ об обеде у Вальса. И, вопреки ожиданиям, не отдал должное его сообразительности, не сказал, что Господь Бог наш воздаст ему за то, что помогает предотвратить зло, которое враги Церкви замышляют против истинной веры, не намекнул на дароносицу, как это было в прошлую субботу.

Разочарованный Кортес шел, сам не зная куда, поскольку был целиком погружен в собственные мысли. Переживания его длились гораздо дольше, чем сама встреча, во время которой отец Феррандо наспех прочел донос Шрама и сунул в карман сутаны, рядом с бревиарием⁶², который всегда носил с собой. Иезуит торопливо поднялся на второй этаж и направился к келье отца Аменгуала, где, как всегда по понедельникам, в четыре часа пополудни начиналась тертулия, в которой, кроме них двоих, принимали участие хронист Анжелат, судебный следователь по имущественным делам святейшей инквизиции и племянник наместника короля. Отец Феррандо хотел поговорить с отцом Аменгуалом без свидетелей, чтобы узнать его мнение как непосредственного соперника за место ректора⁶³ монастыря Монтесион, с которым приходилось считаться до сего момента. Теперь же, с бумагой, что у него в кармане, чаша весов должна перевесить в пользу отца Феррандо. Ибо *такова сила его слова, воспламененного*, как он сам говорил, *любовью к нашему Искупителю*, что Рафел Кортес по прозвищу Шрам подписал обвинение против своего двоюродного брата Рафела Кортеса по прозвищу Дурья Башка, а это позволит святейшей инквизиции начать процесс и доказать, что крещеные десять лет назад евреи не сохранили верности католической церкви и снова впали в жидовство. Поэтому отец Феррандо просил бы многоуважаемого коллегу, раз бумага теперь у него в руках и будет пущена в дело, снять свою кандидатуру на пост ректора. Отец Аменгуал ничего ему не ответил. Гордо выпрямившись, он стоял у окна и смотрел на сторожевую башню и море. Пять лет прошло с тех пор, как он приехал на Майорку, а точнее сказать – был сослан сюда после блестящей карьеры, начатой им в Валенсии, а законченной в Манрезе, где, неизвестно отчего, он впал в немилость у вышестоящего начальства.

Много раз, стоя у этого окна, отец Аменгуал спрашивал, отчего, как только ему является возможность сделать следующий шаг вверх, получить синектуру – без посторонней помощи, лишь благодаря собственным достоинствам, – так обязательно, словно по колдовскому заклинанию, возникает кто-то и совершенно незаслуженно, то ли по ошибке, то ли случайно, оказывается назначенным на место, достойное именно его. Сейчас, кажется, история повторится. После пяти лет упорного труда, когда он делал все, что от него требовало начальство: составлял жизнеописания святых, сообщения для Генерального настоятеля ордена⁶⁴, когда все, казалось, сладилось, появился отец Феррандо с требованием отказаться от того, что ему, Аменгуалу, принадлежит по праву. Но на этот раз сосланный иезуит не был расположен уступать. Если возникнет необходимость, он напишет Генералу ордена и перероет землю от Мадрида до Рима. Ему с его пятилетним трудом на благо монастыря есть что противопоставить отцу Феррандо. Его достоинства очевидны, доказательства заслуг осязаемы, их не нужно долго искать – достаточно подойти к рабочему столу. Вся столешница была покрыта слоем бумаг, результатом ночных бдений, предпринятых им изысканий, поскольку сей труд – не просто хвалеб-

⁶² Краткий служебник католического духовенства, включающий отрывки из Библии, сочинений Отцов Церкви, псалмы, гимны и молитвы.

⁶³ Священник, назначенный епископом в неприходскую церковь.

⁶⁴ Глава ордена иезуитов, называемый еще *генерал*, или *генеральный препозит*, избираемый пожизненно.

ная песнь Господу и назидание грешникам, основанное на воодушевляющем примере святой жизни достопочтенной сестры Нореты Каналс, но и образец изысканного стиля. Аменгуал полагал это особо полезным для такого рода сочинений, ибо в них воплощался предписанный Горацием принцип *delectare prodesse*⁶⁵. . . «*Неуж отец Феррандо, при всей своей дремучести и недоумии, должен это признать. Он-то что написал, чтобы противопоставить моему сочинению? Разве что свои доносы... Читай, читай, болван, мои бумаги, пока я делаю вид, будто так увлечен созерцанием вида, открывающегося из окна, что ничего не замечаю!*»

«*Las virtudes de esta ejemplarísima religiosa fueron tantas y tan sólidas que constituían un vivo retrato de perfección de tan irreprimible vida que al parecer no tenía resabios de hija de Adán. Aun de pocos meses, los días de ayuno rechazaba el pecho de su nodriza y fueron sus primeras palabras: "Vull ser mongeta..."*»⁶⁶

– Я вижу, вы уже приступили к редактированию своего труда о достопочтенной сестре Норете. Значит, скоро мы увидим его напечатанным? – ядовито осведомился отец Феррандо.

– Думаю, да. И мой труд не менее красноречив, чем доносы ваших осведомителей. Я, в отличие от вас, отец Феррандо, не вкладываю свои таланты в чужие бумаги.

Отец Феррандо промолчал, поскольку усиленно думал, как бы половчее парировать удар. В отличие от ученого монаха, он не родился на острове, а приехал из Валенсии и уже восемь лет жил на Майорке. Иезуит хорошо был известен в городе, не только потому, что многих исповедовал – в частности, обитателей еврейского квартала, – но и от того, что пользовался здесь большим влиянием, особенно в прошлом, поскольку был духовным наставником предыдущего наместника короля. Он мечтал о должности ректора по иным соображениям, нежели отец Аменгуал. Тот хотел подняться на ступеньку повыше и продвинуться по карьерной лестнице. А у отца Феррандо был брат, младше его почти на восемь лет, который вот уже три года занимал место настоятеля в монастыре Сарагоссы. Сам же он, хоть и разменял пятый десяток, не добился ничего лучше репутации уважаемого исповедника.

– Я надеюсь, отец Аменгуал, что сегодня вы усладите наш слух, как и обещали, чтением наиболее важных отрывков из своего труда. А жена наместника короля уже знакома с сим славным манускриптом? Думаю, все, что касается проявлений святости сестры Нореты, проверено и неопровержимо доказано, верно? Я говорю это для вашей же пользы. . . По нынешним временам малейшая ошибка может обойтись весьма дорого. . . И вот это место, где вы пишете, что она постилась со столь крохотного возраста. . .

– Мне подтвердила это дочь ее кормилицы, которая еще жива. Она достойная женщина, крестьянка из Алгаиды, самой чистой крови⁶⁷. С чего бы ей лгать?

– А я не говорил, что это вранье. Но деревенские жители легковерны и болтливы. Послушать их, так и ослы умеют летать. . .

– Не знаю, верят ли они в летающих ишаков, но в нынешние времена случаются и более странные вещи. Например, некоторые ослы разговаривают. . .

– И кроме этого – истошно орут и брыкаются.

«*Ловко я на сей раз нашелся*», – подумал отец Аменгуал. «*Так ему и надо! Что он о себе воображает? Осел – он и есть осел!*» – сказал про себя отец Феррандо. Оба молчали, словно выжидая, кто первый начнет атаку. Они бы долго так стояли, если бы в коридоре не

⁶⁵ «Развлекая поучай» (лат.).

⁶⁶ В начале XVI века Каталония, Валенсия и Майорка вошли в состав абсолютистской Испании, и в XVI–XVIII веках каталанский язык был исключен из сферы письменных документов и официального, в том числе церковного, обихода. Автор подчеркивает эту ситуацию, цитируя сочинение Аменгуала, постановления инквизиции и пр. на испанском языке. «Добродетели этой примернейшей монахини были до того многочисленны и прочны, что являли собой живой образец совершенства столь безупречной жизни, что, казалось, будто не было в ней ни следа от дочери Адама. Еще в возрасте нескольких месяцев она во время поста отказывалась от груди кормилицы, а первые слова ее были таковы: "Я хочу стать монашкой..."» (исп.).

⁶⁷ В Испании XV–XVIII веков очень большое значение придавалось так называемой чистоте крови: чиновники инквизиции изучали генеалогические списки семейств в поисках инородцев – евреев и мавров, пусть даже и крещеных.

послышались голоса. Это были хронист Анжелат и племянник наместника короля капитан Себастья Палоу, который надзирал за строительством бастиона Святого Петра. Никто не сказал бы, глядя на его приземистую фигуру, что он не только человек деятельный, но и большой любитель словесности, хотя и не такой, как хронист.

Отец Аменгуал вышел, чтобы встретить их, стараясь скрыть то раздраженное состояние, в которое его привел разговор с отцом Феррандо. С самым радушным видом монах провел гостей в келью, в глубине которой служка уже расставил пять стульев для участников тертулии. Отец Салвадор Феррандо, чтобы ни в чем не уступать отцу Висенту Аменгуалу и продемонстрировать свое над ним превосходство, приветствовал вновь пришедших с улыбкой святого.

– Отец Аменгуал, так же, как и я, или, лучше сказать, особенно я, ибо я более невежественен, чем отец Аменгуал, мы оба рады приветствовать вас, сеньоры. Общение с вами столь поучительно для нас, особенно для меня, когда каждый понедельник вы одариваете нас своей ученостью... Благодаря вам мы узнаем столько нового...

– Отец Феррандо, – прервал его хронист, язвительно усмехнувшись, – не преувеличивайте! Вы ведь тоже не монахи-затворники...

– Да я вовсе не имел это в виду, мессир Анжелат! – воскликнул иезуит, почувствовав на себе острый, словно сталь, взгляд соперника. – Но все-таки есть большая разница: живешь ты в миру или, как отец Аменгуал и я, – вдали от житейских дел.

Отец Аменгуал ничего не сказал на это и предложил гостям рассаживаться, после чего попросил брата-привратника, сопровождавшего их, привести в келью сеньора судебного следователя по делам конфискованного святой инквизицией имущества, как только тот придет. И еще передать брату Жауме, чтобы принес куартос в шоколадной глазури⁶⁸, которые каждый понедельник им присылают монахини-клариски⁶⁹ и которыми отец Аменгуал имел удовольствие потчевать завсегдаев тертулии.

Хронист Анжелат, не только визгливо смеющийся, но имеющий привычку беспричинно раздражаться хохотом и издавать такой звук, словно тарелка разбилась о каменный пол, очень оживился – впрочем, как и всегда – при упоминании об излюбленном лакомстве: «Куартос сестер-кларисок – лучшие на острове!» Вкус их столь изыскан, что он отметил его в «Истории Майорки». Книга сия, которую он заканчивал писать на кастильском наречии, должна была стать трудом всей его жизни. «*La isla de Mallorca, – начиналась она, – excede en hermosura a cuantas en el Mediterraneo emergen de las aguas. La variedad de sus tierras, la altura de sus montes, que casi pujan con las nubes, y la extension que configura el llano, asi como sus bosques y tierras de regadio, hacen de ella un microcosmos en el cual la Divina Providencia derramo su generosa mano...*»⁷⁰

Это *incipit*⁷¹ было зачитано недавно на тертулии и имело большой успех, особенно – у племянника наместника короля, который подобрал рифмы к своей дециме⁷², дабы та украсила начало книги его друга вместе со стихами иных местных талантов. Среди прочих там были и сочинения досточтимого отца Аменгуала, который, предпочитая не торопиться, уже приступил к наброскам.

⁶⁸ Типичная для Майорки выпечка прямоугольной формы из крахмальной муки, яиц и сахара, которую едят с шоколадом или мороженым.

⁶⁹ Женский францисканский орден, основанный Святой Кларой. В Пальма де Майорка находится монастырь Св. Клары, основанный в 1256 году и считающийся самым старым на острове.

⁷⁰ «Остров Майорка по красоте своей превосходит все острова Средиземного моря. Ее разнообразный ландшафт, высокие горы, почти что касающиеся облаков, широко простирающиеся равнины, леса и пахотные земли превращают ее в особый мир, который был щедро одарен Божественным Провидением...» (*исп.*).

⁷¹ Вступление (*лат.*).

⁷² Децима – жанр испанской поэзии, представляющий собой десятистишие со сложной рифмовкой.

Себастья Палоу завидовал легкости пера Бартомеу Анжелата, которой ему, сколь бы настойчиво он ни призывал муз, не доставало. Ни одна строчка не давалась ему без усилий. «*La seca ubre del ordenado pecho*»⁷³ – написал он как-то, имея в виду свои собственные муки творчества. Подходящие слова становились негодными в его стихах, покуда он пытался выжать хоть каплю вдохновения. Так что поэтические потуги племянника наместника короля увенчивались, как правило, творениями бледными, кособокими, безжизненными. К тому же, прежде чем сочинить их, он вынашивал их столь же долго, сколько зреет плод во чреве женщины, а посему процесс этот также сопровождался осложнениями и встрясками. Не то чтобы Себастья Палоу был глупее хрониста Анжелата – самого популярного местного таланта, кроме прочего, автора двух комедий, а также двух поэтических сборников, один из коих был благосклонно принят при дворе и снискал похвалу такого искусного поэта, как Кальдерон. Но, по правде сказать, ему следовало бы прислушаться к словам дяди-наместника о том, что он не приурочен Богом к литературному поприщу, а посему ему надо перестать изводить себя постоянным сравнением с Анжелатом. И, хотя раньше дядя ругал племянника за неуместное пристрастие к этим литературным сборищам в монастыре – единственном месте города, где интересовались поэзией, – и советовал всерьез озаботиться военной карьерой, в которой, без сомнения, его ожидала бóльшая удача, теперь он не возражал против маленькой слабости Себастья и всячески поощрял общение с этой компанией. Племянник все еще по привычке обращал дядино внимание на то, что *lo cortes no quita valiente*⁷⁴ и что Гарсиласо де ла Вега⁷⁵ – с которым, как считалось, они состояли в дальнем родстве, а потому почитали его как предка и в смысле генеалогическом, и в военном, и в литературном, – утверждал, что в руки можно *tomando ora la espada ora la pluma*⁷⁶, а стало быть, и ему сие не зазорно. «Выбрось ты эту дурь из головы, племянничек! – обрывал наместник короля. – Уж больно от твоего пера попахивает адвокатшиками, судьями да попами. Что уместно для старых дев, не подходит для настоящих мужчин. Коли нужно намарать стишки какой-нибудь даме – пиши, благо так делают все. Женщин не волнует высокая поэзия, и, кажется, дурные стихи впечатляют их даже больше».

Себастья Палоу, хронист Анжелат и оба монаха учтиво поднялись со стульев, когда в келью вошел следователь по делам конфиската в сопровождении послушника, несущего поднос с легкой закуской, который он поставил на рабочий стол отца Аменгуала. Ученый иезуит освободил для него место, сдвинув в сторону бумаги с жизнеописанием достопочтенной сестры Нореты Каналс, которые собирался сегодня представить на суд участников тертулии. Он хотел попросить их сочинить и для его труда несколько стихов-посвящений, хотя благочестивые книги в них и не нуждаются.

У следователя по делам конфиската, преподобного каноника⁷⁷ кафедрального собора Жауме Льябреса, как и у хрониста Анжелата, вкусовые сосочки были сверхразвиты, а рот, казалось, был напрямую соединен с утробой. Остальные члены тертулии говорили, что для этих двоих самое интересное в собраниях по понедельникам – именно куарто с шоколадом, особенно если их подавали, как сегодня, вместе с бисквитами с вареньем из терна, который могли приготовить лишь богоугодные руки сестер-клариссок.

Судебный следователь, отдуваясь и пытаясь после подъема по лестнице, поприветствовал всех присутствующих. Каноник чувствовал себя словно рыба, выброшенная на сушу, еще и потому, что в этот час все добрые христиане – то бишь члены курии – вкушали послеобеденный отдых: не столько, правда, по необходимости, сколько по обыкновению. Каноник пришел из

⁷³ «Бесплодный сосок иссохшей груди» (исп.).

⁷⁴ Учтивость храбрости не помеха (исп.).

⁷⁵ Гарсиласо де ла Вега (1501/3–1536) – испанский поэт, последователь Петрарки.

⁷⁶ Брать то шпагу, то перо (исп.).

⁷⁷ Священник, служащий в кафедральном соборе, являющийся членом капитула и помогающий епископу управлять епархией.

дома, но до этого побывал и в соборе, и на обеде во дворце⁷⁸. Поэтому принес много новостей – самых свежих и достоверных, только что выпорхнувших, можно сказать, из уст его преосвященства епископа Майоркского.

– Что интересного рассказал вам сеньор епископ? – немедленно спросил его гостеприимный хозяин кельи, одновременно предлагая участникам тертулии отведать куартос и бисквиты.

– Ну, если сразу о главном, то он, как и сеньор инквизитор, получил выговор от Верховного трибунала Арагона.

– Да неужели? – заинтересованно воскликнул отец Феррандо, даже не обратив внимания, что копирует своего недруга.

– Чистая правда! – ответил, усмехаясь, следователь. – Уже несколько недель они только и делают, что бранят трибунал Майорки за то, что он плохо следит за обращенными евреями и что мы не проявляем должного рвения в деле защиты нашей святой, вселенской и апостольской веры. Как вы можете догадаться, уважаемые, все это не слишком понравилось его преосвященству сеньору епископу и его высокопреподобию сеньору инквизитору.

– Его преосвященству было бы уместно продемонстрировать бóльшую озабоченность этой проблемой, – вмешался отец Феррандо, как только прожевал кусок булки, которая мешала ему говорить, – однако не все здесь, на Майорке, спят с открытыми глазами, многоуважаемый сеньор Льябрес. Я, со своей стороны, смиренно выполняю свой долг: вот уже много лет исповедую этих людишек из Сежеля и внимательно слежу за искренностью их католической веры, проверяя, не впали ли они обратно в жидовство. Вашему высокопреподобию известно, что я являюсь духовником одного из Кортесов – по прозвищу Шрам – и... если уж быть откровенным, сеньор Себастья, – прибавил он, обращаясь к капитану, который от неожиданности замер с занесенной над бисквитом большой ложкой варенья из терновых ягод, – так ваш дядя не слишком мне помог с этим заказом на дароносицу... Стало быть, как я уже говорил, я позаботился о том, чтобы этот Шрам, которого полагаю добрым христианином, в точности проинформировал меня о том переполохе, что произошел в еврейском квартале на прошлой неделе. И вышеозначенный ювелир принес мне документ, с которым я хотел бы сначала ознакомить вас, достопочтенный сеньор следователь, а потом уже отдать его высокопреподобию сеньору главному инквизитору.

Каноник Льябрес липкими руками взял сложенные вчетверо бумаги, которые иезуит вынул из кармана. Он аккуратно действовал кончиками пальцев, стараясь их не запачкать, и, не разворачивая, убрал. Ему совершенно не хотелось читать бумаги при всех, поскольку, как подозревал следователь, там было что скрывать. Хватит того, что иезуит, дабы пустить всем пыль в глаза, упомянул имя своего информатора. Вот уж никак нельзя было ожидать, что в столь деликатном деле, как это, отец Феррандо поведет себя столь неуклюже. «*Видимо тут есть что-то, чего я не уловил*», – переживал каноник, примериваясь, как бы половчее и не привлекая внимания хрониста, который тоже не дремал, ухватить последний куарто. Но Анжелат оказался проворнее: он цапнул его и целиком засунул за щеку, словно боялся, как бы следователь не вырвал кусок у него изо рта. Раздосадованный всем сразу – и выходкой хрониста, и оплошностью исповедника – его высокопреподобие Жауме Льябрес коротко заверил, что завтра же бумаги лягут на стол инквизитора.

– Естественно, – продолжал напирать отец Феррандо, который, казалось, не заметил, что следователю не нравится происходящее, – если сеньор инквизитор захочет меня видеть, я, само собой разумеется, в полном его распоряжении.

– Ваше усердие нас всех поистине восхищает! – произнес тут отец Аменгуал со столь откровенной издевкой, что ее просто нельзя было не заметить.

⁷⁸ Дворец Алмудайна – резиденция майоркских королей и правителей. До сих пор служит для официальных приемов короля Испании во время его пребывания на острове.

– Я видел Шрама только вчера, прямо после мессы, – сказал Анжелат, который уже прожевал захваченное лакомство, но вовсе не утолил голод, а потому смотрел на еще жующих сотрапезников с неприязнью. – Ювелир в весьма радостном расположении духа шел вместе с Габриелом Вальсом. К нему в сад, надо полагать...

– Ну, своей вонью они, должно быть, отравляли воздух, – пошутил следователь.

– Да нет, запах не от них. То есть не они его испускают. Так пахнет масло, на котором они готовят. Это запах каленого растительного масла. Евреи ведь не жарят на сале, как мы, – заметил хронист, глядя на Себастья Палоу, который кивком подтвердил верность сказанного.

Как и другие участники тертулии, племянник наместника короля воздал должное угощению, хотя и не столь усердно, как Анжелат и Льябрес. Больше даже, чем есть эти лакомства, ему нравилось представлять, как чистые и невинные монашки своими тонкими пальчиками готовят их – *nieve licuada cuando no cristales*⁷⁹, написал он в своем лучшем стихотворении, посвященном, впрочем, иному предмету. Так что теперь он был настроен благодушно и, как и остальные, расположен всласть побеседовать.

Отец Аменгуал решил, что настал момент, когда можно перевести разговор на себя, поскольку от него не укрылось, что отец Феррандо и дальше желал бы оставаться в центре внимания. Он тщательно вытер рот, ибо разговаривать о божественном, слизывая с губ остатки сахара, представлялось ему дурным тоном, и поднялся со своего места, чтобы взять рукопись, избранные места из которой собирался читать вслух.

– Насколько я понимаю, – сказал отец Феррандо, как только увидел, что противник собирает бумаги со стола, – достопочтенная Элеонор Каналс приходится родственницей его превосходительству сеньору наместнику, не правда ли, дон Себастья?

– Она – тетка моей тетки, отец Феррандо. Со мной же, если вы это имеете в виду, она не состоит в родстве. Увы, я не сделан из одного теста со святыми... – прибавил он, смеясь.

– Прежде чем созреть, любой плод зелен, дон Себастья! – сказал отец Аменгуал. – Вы же не хотите уверить нас, что замешены из дьявольского теста – все равно мы не поверим. И если мне будет позволено...

Хронист Анжелат пристально глядел в окно кельи, стараясь рассмотреть, нет ли какой-нибудь шебеки или галеры там, вдали, в той ультрамариновой синеве прямо у линии горизонта, в то время как отец Аменгуал читал:

«Esta serenísima perla y muy preciosa margarita, encerrada en la concha o religioso claustro se formó con el rocío celestial que Dios Padre Todopoderoso directamente le otorgó y era tanta su celo que por obedecer con mayor prontitud a la maestra de novicias saltó por una ventana para acudir con mayor rapidez al patio donde se la requería sin hacerse daño alguno, aunque la distancia medía seis varas, cosa que la madre abadesa tomó por muy milagrosa, pues parecióle que los ángeles del cielo hubieron de sostenerla...»⁸⁰

– Слава Богу, что она приземлилась на ноги, а не ударилась головой, – воскликнул дон Себастья с усмешкой, – не то мы преждевременно лишились бы ее святости...

Все засмеялись, и никто ему не попенял за подобные шутки – племяннику наместника короля дозволено больше, чем другим.

«...Otras veces, cuando la llamaban obedecía tan presto que si estaba hablando dejaba la palabra a medias, a medias la labor y hasta los pasos... En cuanto a las otras virtudes, todas las practicó, especialmente aquellas que tenían que ver con la mortificación de los sentidos. Así, para que

⁷⁹ Растаявший снег как хрустальные воды (*исп.*).

⁸⁰ «Эта чистейшая и драгоценнейшая жемчужина, заключенная в раковину, сиречь в монастырь, выросла, омытая пролитой на нее Божьей росой. Усердие ее было столь велико, что, дабы получше выполнить просьбу начальницы над послушницами и побыстрее выйти в патио, она прыгнула из окна и приземлилась, нисколько не причинив себе вреда, хотя и пролетела шесть вар. Матушка аббатиса расценила сие как великое чудо, ибо ей показалось, что небесные ангелы поддержали девушку...» (*исп.*). Вара – мера длины, равняющаяся от 771 до 912 м в разных областях.

las comidas le supieran mal y tuvieran el peor sabor, mezclábalas con trozos de naranjas agrias y ajenjos...»⁸¹

– Я бы на это не сподобился, – прервал чтение хронист и сообщнически подмигнул Себастья Палоу.

«Не думаю, чтобы все эти грубые подробности очень понравились дядюшке, – размышлял кабальеро Палоу. – А вот тетушке... кто знает... Она такая набожная! Даже заказала картину с изображением достопочтенной родственницы... И она ее получит, это точно... Однако если и вправду, как она обещала, я буду сопровождать ее в Рим... Это отличный предлог, чтобы оказаться в Италии... Ливорно... Пере Онофре говорит, что она живет затворницей, почти нигде не бывает... «No duda amor en cual su color sea / Blanca es el alba y Blanca es la aurora...»⁸² Ему стоило большого труда срифмовать эти строчки, но теперь они уже были отправлены адресату.

«...A los quince años después de tomar el hábito decidió que no levantaría más los ojos del suelo, a no ser para fijarlos en su Esposo Sacramentado. Su humildad era tanta que le oyeron decir que sentía verse amada por las religiosas y quisiera que nadie se acordase de ella ni la apreciase porque se reputaba por la criatura más vil y de peores inclinaciones del mundo. Menos que basura quisiera ser y que todas las criaturas me aborreciesen. ¡Cuánta pena tengo, cuando veo que todos me aman! Lo que quisiera es ser aborrecida de todos y olvidada igual que mi Esposo es aborrecido y olvidado de las almas...»⁸³

– Все мы должны учиться у сестры Нореты! – воскликнул судебный следователь – ему уже было невмозготу слушать жизнеописание достопочтенной, которое отец Аменгуал зачитывал то торжественно и театрально, словно во время проповеди, то голосом глухим и каким-то загробным, будто сама святая обращалась к слушателям. Так что все едва не лопнули от смеха, когда он слащаво произнес: «Menos que basura quisiera ser y que todas las criaturas me aborreciesen...»⁸⁴

– Думаю, вы, ваше преподобие, проделали огромную работу, – подхватил хронист Анжелат. – Я полагаю, вы опубликуете свой труд и на латыни? Я бы посоветовал поступить именно так. Моя «История Майорки» увидит свет на этом восхитительном языке, которому остальные лишь пытаются подражать. А вы никогда не пробовали писать стихи на латыни, Себастья?

– Нет, по правде сказать, никогда...

– Обязательно попробуйте! Уверен, они только выиграют от этого. Ваш обожаемый Гарсиласо – я хотел сказать, ваш родственник, если не ошибаюсь, – некоторые свои творения создал на латыни... Я, например, из всех классиков предпочту латинских. Они несравненны. Вы согласны со мной, уважаемые?

– Я – безусловно, – ответил отец Аменгуал. – Они спустились к нам с Олимпа.

– Это весьма спорно, – возразил отец Феррандо, который уже довольно долго молчал, будто воды в рот набрал. – Если сравнивать их с авторами, писавшими на языках светских,

⁸¹ «Иной раз, когда ее призывали, она приходила так быстро, что ежели пребывала за беседой, то обрывала ее на полуслове, бросала она также тогда любое дело, даже ежели это было для нее затруднительно... Что же до остальных добродетелей, то она в себе развивала все, особливо же те, которые касались умерщвления чувств. Так, дабы еда ее не соблазняла и дабы ухудшить ее вкус, она добавляла в нее кусочки кислых апельсинов и горькую полынь...» (исп.)

⁸² Не сомневается любовь, которой цвет такой, Что бел и пред рассветом, и утренней зарей (исп.).

⁸³ «...В пятнадцать лет, надевши монашью рясу, решила она, что отныне обратит свой взор к небесам лишь затем, чтобы воззреть на своего Священного Жениха. Смирение ее было столь велико, что слышали, как она говорила: я чувствую, что монахини любят меня, а хотела бы, чтобы никто не помнил обо мне и не уважал меня. Ибо она считала себя самым ничтожным и самым греховным созданием на земле. Я бы хотела быть хуже отбросов, чтобы все живое меня ненавидело. Как тяжело мне видеть, что все меня любят! Я бы хотела, чтобы все меня возненавидели и позабыли, как Жениха моего возненавидели и позабыли все души...» (исп.).

⁸⁴ «Я бы хотела быть хуже отбросов, чтобы все живое меня ненавидело...» (исп.).

народных, то конечно. Но с Библией ничто не сравнится. Что касается меня, так я одно-единственное слово, ниспосланное Богом, предпочту всем эклогам Вергилия вместе взятым.

– Библия не имеет отношения к теме нашей беседы. Право, отец Феррандо, вы хотите казаться святее самого папы римского! – сказал хронист.

– Подобная святость нам не помешала бы, – заметил судебный следователь, которому все уже порядком надоело. Тем более что эта тертулия по понедельникам нарушала его послеобеденный отдых. Если бы не куартос, то делать здесь было бы нечего. – По нынешним временам того⁸⁵

⁸⁵ Бык (*исп.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.